

International journal of civil and trade law

№ 4 • 2017

EDITORIAL BOARD

Y.A. Alpatov,
doctor of law,
corresponding member of RAEN

S.N. Baburin,
doctor of law, professor

V.V. Bachila,
candidate of law, assistant professor

A.A. Bakradze,
doctor of law, professor

A.V. Barkov,
doctor of law, professor

A.R. Belkin,
doctor of law,
professor, academician of RAEN

Y.F. Bepalov,
doctor of law, professor

E.V. Bogdanov,
doctor of law,
professor

D.E. Bogdanov,
doctor of law

E.E. Bogdanova,
doctor of law, professor

G.A. Vasilevich,
doctor of law,
professor, honored lawyer
of the Republic of Belarus

T.M. Gandilov,
doctor of juridical sciences,
Honoured lawyer of the
Russian Federation

L.I. Gluhareva,
doctor of law, professor

A.P. Gorelik,
candidate of law, assistant professor

V.V. Grebennikov,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation

A.Y. Grishko,
doctor of law, professor

L.Y. Grudtsina,
doctor of law, professor

G.S. Gurbanov,
doctor of law, professor

M.D. Davitadze,
doctor of law, professor

I.V. Doinikov,
doctor of law, professor

S.V. Dubrovin,
doctor of law, professor,
honored worker of higher school of Russia

S.A. Ivanova,
doctor of law, professor

O.Y. Ilyina,
doctor of law, professor

M.N. Ilyushina,
doctor of law, professor

A.A. Kalgina
candidate of law,
assistant professor

V.P. Kamishansky,
doctor of law, professor, honorary worker
of higher education of the Russian
Federation

N.I. Kasikova,
doctor of law, professor

R. Kvaratskhelia,
doctor of law

N.A. Kolokolov,
doctor of law,
professor

Y.A. Krokhlina,
doctor of law, professor

A.N. Kuzbagarov,
doctor of law, professor

O.A. Kuznecova,
doctor of law, professor

R.A. Kurbanov,
doctor of law, professor,
honored lawyer of the Russian Federation

A.N. Levushkin,
doctor of law, professor

V.B. Mantusov,
doctor of economic sciences,
professor

G.B. Mirzoev,
doctor of law,
professor, honored lawyer
of the Russian Federation

I.A. Mikhailova,
doctor of law, professor

S.Y. Morozov,
doctor of law, professor

F.G. Mishko,
doctor of law,
assistant professor

G.A. Prokopovich,
doctor of law

L.N. Tepman,
doctor of economic sciences,
professor

V.N. Tkachev,
doctor of law, professor,
honored lawyer
of the Russian Federation

L.V. Tumanova,
doctor of law, professor,
honored lawyer
of the Russian Federation

B.V. Sangadzhiev,
doctor of law, assistant professor
corresponding member of RAEN

Z.B. Soktoev,
doctor of law

O.V. Staroverova,
doctor of law

A.G. Khabibulin,
doctor of law,
professor

Y.S. Kharitonova,
doctor of law, professor

A.M. Tsaliev,
doctor of law, professor, member of the
Academy of humanities, member of the
Academy of Legal Sciences

L.a. Chegovadze,
doctor of legal sciences, Professor

R. Chenghis,
president of Law enforcement
University, professor

L.T. Chikhladze,
doctor of law, professor

R.V. Shagieva,
doctor of law, professor,
academician of RAAN

N.D. Eriashvili,
candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of economic
sciences, professor

Международный журнал гражданского и торгового права

№ 4 • 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю.А. Алпатов,
доктор юридических наук,
член-корреспондент РАЕН

С.Н. Бабурин,
доктор юридических наук,
профессор

В.В. Бачила,
кандидат юридических наук,
доцент

А.А. Бакрадзе,
доктор юридических наук,
профессор

А.В. Барков,
доктор юридических наук, профессор

А.Р. Белкин,
доктор юридических наук,
профессор, академик РАЕН

Ю.Ф. Беспалов,
доктор юридических наук, профессор

Е.В. Богданов,
доктор юридических наук, профессор

Д.Е. Богданов,
доктор юридических наук

Е.Е. Богданова,
доктор юридических наук, профессор

Г.А. Василевич,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист
Республики Беларусь

Т.М. Гандилов,
доктор юридических наук,
Заслуженный юрист РФ

Л.И. Глухарева,
доктор юридических наук, профессор

А.П. Горелик,
кандидат юридических наук, доцент

В.В. Гребенников,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

А.Я. Гришко,
доктор юридических наук,
профессор

Л.Ю. Грудцына,
доктор юридических наук, профессор

Г.С. Гурбанов,
доктор юридических наук,
профессор

М.Д. Давитадзе,
доктор юридических наук,
профессор

И.В. Дойников,
доктор юридических наук, профессор

С.В. Дубровин,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный работник
высшей школы РФ

С.А. Иванова,
доктор юридических наук, профессор

О.Ю. Ильина,
доктор юридических наук, профессор

М.Н. Илюшина,
доктор юридических наук, профессор

А.А. Кальгина,
кандидат юридических наук,
доцент

В.П. Камышанский,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профес-
сионального образования РФ

Н.И. Касикова,
доктор юридических наук, профессор

Р. Кварацхелия
доктор юридических наук

Н.А. Колоколов,
доктор юридических наук
профессор

Ю.А. Крохина,
доктор юридических наук, профессор

А.Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

О.А. Кузнецова,
доктор юридических наук, профессор

Р.А. Курбанов,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

А.Н. Левушкин,
доктор юридических наук, профессор

В.Б. Мантусов,
доктор экономических наук,
профессор

Г.Б. Мирзоев,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ

И.А. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор

С.Ю. Морозов,
доктор юридических наук, профессор

Ф.Г. Мышко,
доктор юридических наук,
доцент

Г.А. Прокопович,
доктор юридических наук, профессор

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор

В.Н. Ткачёв,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Л.В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Б.В. Сангаджиев,
доктор юридических наук, доцент,
член-корреспондент РАЕН

З.Б. Соктоев,
доктор юридических наук

О.В. Староверова,
доктор юридических наук

А.Г. Хабибуллин,
доктор юридических наук,
профессор

Ю.С. Харитоновна,
доктор юридических наук, профессор

А.М. Цалиев,
доктор юридических наук, профессор,
член Академии гуманитарных наук,
член Академии юридических наук

Л.А. Чеговадзе,
доктор юридических наук, профессор

Р. Чингиз,
президент Университета правоохрани-
тельных органов Монголии, профессор
Л.Т. Чихладзе
доктор юридических наук, профессор

Р.В. Шагиева,
доктор юридических наук, профессор,
академик РААН

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических,
кандидат юридических наук, доктор
экономических наук, профессор

Chief editor of Joint editorial

N.D. Eriashvili

candidate of historical sciences,
candidate of law, doctor of
economics, professor, laureate of
the Russian Federation Government
prize in Science and Technology.
E-mail: professor60@mail.ru

**Representations
in Russia:**

*CEO of publishing house
«UNITY-DANA»*

V.N. Zakaidze

1 Irina Levchenko,
Moscow, 123298
Tel./fax: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

in Georgia:

44 A. Kazbegi Avenue, Tbilisi,
0186, Publishing house
Righteous Georgia

Chief editor

S. Baramidze

Special correspondent

A. Kldeiseli

Reporter:

M.Ya. Nodia

Tel./Fax: +995322421207/08

E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Registration certificate
404498753

in USA:

3565 Edencroft Road,
Huntingdon Valley, Pennsylvania

D.Skhirtladze, MD, MPH
+12157605939

E-mail:

dr.david.skhirtladze@gmail.com

in Israel:

3, Tze'Elim, Yokneam

L.N. Tepman

doctor of economical sciences,
professor

E-mail: tepmn32@list.ru

in Republic of Kazakhstan:

30, Gagarin str., Shymkent

I.T. Chariev,

doctor of pedagogical sciences,
professor, academician of the IASP
Tel: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

*Editorial staff and external reviewers are
not responsible for the quality, accuracy and
correctness of citing of works by their authors.
Responsibility for the quality, accuracy and
correctness of citing of works solely lies with
the*

www.unity-dana.ru
www.niion.org

CONTENTS

D.N. KOZYAYKIN. Protection of honor, dignity and business reputation in modern society	5
S.O. MAKARCHUK. Framework agreement: general analysis	7
A.V. ASTASHKINA. The content of the marriage contract: peculiarities of legal regulation of and law enforcement.....	9
N.A. KOLOKOLOV. Dangerous: House purchase.....	13
L.D. VARLYGIN. To the question about compensation of moral, harm the internal affairs authorities, caused by an accident	18
I.V. DZHABUA. The concept and stages of contractual work	20
I.V. ZHURILO. Private and public interests in the legal field in the implementation of the renovation of the residential fund in the city of Moscow	24
YU.P. KALINCHENKO. On the admissibility of the identification of the terms «money» and «currency» in civil law in the Russian Federation	27
I.G. KRYSANOVA-KIRSANOVA. Features of protection of minors in the inheritance law of Russia	30
I.A. MAKSIMOVA. The question of the legal nature the subjective right to postmortem reproduction human in Russian law	32
D.P. STRIGUNOVA. Some problems of unified substantive regulation of international commercial contracts.....	35
S.A. USTIMOVA, E.N. RASSKAZOVA. Novelties of the civil legislation under the loan agreement.....	40
V.N. KOVALENKO. About practical issues of legal support of the air Navigation system development in the Russian Federation	43
T.M. GANDILOV, K.K. RAMAZANOVA. Outstanding issues of procurement legislation for ensure State needs	46
R.R. HAIDAROV. Self-regulatory organizations in the Russian Federation: right to business.....	49
I.I. ORDINARTSEV. A departmental regulation of the participation of prosecutors in civil cases	52

Главный редактор
Объединенной редакции

Н.Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук,
доктор экономических наук,
профессор, лауреат премии
Правительства РФ в области
науки и техники
E-mail: professor60@mail.ru

**Представительства
в России:**

Генеральный директор
издательства «ЮНИТИ-ДАНА»

В.Н. Закаидзе
123298 Москва,
ул. Ирины Левченко, д. 1
Тел./факс: +7(499)740-60-14/15
E-mail: unity@unity-dana.ru

в Грузии: 0177 Тбилиси,
пр. Александра Казбеги, д. 44,
Издательство Справедливая Грузия

Редактор

С. Барамидзе

Специальный корреспондент
А. Клдесели

Тел./факс: +995322421207/08
E-mail: sama_saqartvelo@mail.ru

Свидетельство о регистрации
404498753

в США: штат Пенсильвания,
г. Хантингдон Вэли,
ул. Эденкрофт Роуд 3565

Д. Схиртладзе,
доктор медицины

E-mail:
dr.david.skhirtladze@gmail.com

в Израиле: Иокнеам,
ул. Цеелим, д. 8

Л.Н. Тепман,
доктор экономических наук,
профессор

E-mail: tepmn32@list.ru

в Республике Казахстан:

г. Шемкент, ул. Гагарина,
д. 30, кв. 57

И.Т. Чариев,
доктор педагогических наук,
профессор, академик МАНПО
Тел: +77012608938

E-mail: ergash-39@mail.ru

*Редакция и внешние рецензенты не
несут ответственности за качество,
правильность и корректность
цитирования произведений авторами
статей. Ответственность за качество,
правильность и корректность цитирования
произведений несут исключительно
авторы опубликованных материалов.*

www.unity-dana.ru
www.niion.org

СОДЕРЖАНИЕ

Д.Н. КОЗЯЙКИН. Защита чести, достоинства и деловой репутации в современном обществе.....	5
С.О. МАКАРЧУК. Рамочный договор: общий анализ.....	7
А.В. АСТАШКИНА. Содержание брачного договора: особенности правового регулирования и правоприменительной практики.....	9
Н.А. КОЛОКОЛОВ. Дом: опасная покупка.....	13
Л.Д. ВАРЛЫГИН. К вопросу о компенсации морального вреда органами внутренних дел, причиненного в результате ДТП.....	18
И.В. ДЖАБУА. Понятие и стадии договорной работы.....	20
П.И. ЖУРИЛО. Частные и публичные интересы в правовом поле при осуществлении реновации жилого фонда в городе Москва	24
Ю.П. КАЛИНЧЕНКО. О допустимости отождествления терминов «деньги» и «валюта» в гражданском законодательстве Российской Федерации	27
И.Г. КРЫСАНОВА-КИРСАНОВА. Особенности защиты прав несовершеннолетних в наследственном праве России	30
И.А. МАКСИМОВА. К вопросу о правовой природе субъективного права на посмертную репродукцию человека в российском праве.....	32
Д.П. СТРИГУНОВА. Некоторые проблемы унифицированного материально-правового регулирования международных коммерческих договоров.....	35
С.А. УСТИМОВА, Е.Н. РАССКАЗОВА. Новеллы в гражданском законодательстве по договору займа	40
В.Н. КОВАЛЕНКО. О некоторых практических вопросах правового обеспечения развития аэронавигационной системы Российской Федерации	43
Т.М. ГАНДИЛОВ, К.К. РАМАЗАНОВА. Нерешенные вопросы законодательства о закупках для обеспечения государственных нужд.....	46
Р.Р. ХАЙДАРОВ. Саморегулируемые организации в Российской Федерации: право на предпринимательство	49
И.И. ОРДИНАРЦЕВ. О ведомственном регулировании участия прокуроров в рассмотрении гражданских дел	52

УДК 347
ББК 67.404

PROTECTION OF HONOR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION IN MODERN SOCIETY

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Dmitry Nikolaevich KOZYAYKIN,
5th year student of the All-Russian state university
of justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
E-mail: thelex@zakon.ru

Дмитрий Николаевич КОЗЯЙКИН,
студент 5 курса Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Министерства юстиции России)
E-mail: thelex@zakon.ru

Научная специальность: 12.00.03 - гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Annotation. In the article the author analyzes the features of protection of such intangible benefits as honor, dignity and business reputation. Currently, trials in this category of cases are far from uncommon, which requires the formation of a proper approach to the resolution of such disputes, taking into account all the features of the intangible benefits. Protection of honor, dignity and business reputation is an integral part of the formation of a democratic society.

Keywords: honor, dignity, business reputation, protection of honor, dignity and business reputation, goodwill

Аннотация. В статье автор анализирует особенности защиты таких нематериальных благ, как честь, достоинство и деловая репутация в современном обществе. В настоящее время судебные процессы по данной категории дел являются далеко не редкостью, что требует формирования правильного подхода к разрешению таких споров, с учетом всех особенностей исследуемых нематериальных благ. Защита чести, достоинства и деловой репутации является неотъемлемой частью формирования демократического общества.

Ключевые слова: честь, достоинство, деловая репутация, защита чести, достоинства и деловой репутации, гудвил

Честь, достоинство и деловая репутация – это морально-нравственные и социально-правовые категории, которым закон в настоящее время придает существенное значение. За их защиту и неприкосновенность люди были готовы отдать и отдавали свои жизни, что, безусловно, говорит об огромной значимости этих категорий. Сегодня современные «джентльмены», взамен «дуэлям» переносят место баталий в залы судебных заседаний, где и пытаются отстоять свое доброе имя и репутацию своей компании. К слову, если честь и достоинство относятся лишь к физическим лицам, то деловую репутацию, в силу своей специфики, относят и к юридическим лицам. Также деловую репутацию юридических лиц иногда подменяют понятием гудвил, что не совсем правильно с точки зрения этимологии данных понятий. Деловая репутация является лишь составной частью гудвила юридического лица, что

подтверждается как международными актами, так и мнением большинства ученых [1].

В настоящее время правовое регулирование таких категорий, как честь, достоинство и деловая репутация, осуществляется целым рядом международных и национальных нормативных правовых актов. Одними из таких национальных нормативных правовых актов являются Конституция Российской Федерации и ГК РФ, содержащий важные положения об описываемых нематериальных благах.

Анализируя нормы национального и международного права, напрашивается однозначный вывод – честь, достоинство и деловая репутация являются важнейшими нематериальными благами, а их защита обеспечивается основополагающими международно-правовыми актами и основным законом Российской Федерации.

Переходя к вопросам о защите чести, достоинства и деловой репутации, необходимо выделить

обстоятельства, которые нарушают эти блага. Согласно ГК РФ, а также Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [2] такими нарушениями являются распространение порочащих сведений, а также сведений несоответствующих действительности. К слову, в настоящее время существует целый ряд Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященных вопросам защиты чести, достоинства и деловой репутации.

Указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ содержит определения порочащих и не соответствующих действительности сведений. Так, порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо юридического лица. Не соответствующими действительности являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности ввремя к которому относятся оспариваемые сведения (исключения – сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок) [2 п. 7].

Кроме того, необходимо отметить, что обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике, истец же обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений. В свою очередь юридические лица должны доказать наличие у них сформированной деловой репутации (как составляющей гудвила), приобретаемой компанией в виде имущественного комплекса, отражаемого в качестве нематериальных активов [3].

В США помимо указанного, истец в иске о защите чести и достоинстве (иногда называемом «диффамационным иском») должен доказать определенную степень вины ответчика в недостоверности утверждения, то есть если вина ответчика отсутствует, то он не несет ответственности даже за распространение ложных сведений. Именно поэтому в США по данной категории дел выделяются следующие степени вины: намеренное сообщение ложных сведений (intent); безразличное отношение к истинности или ложности утверждения (reckless

disregard); простая неосторожность (negligence), то есть неприятии разумных мер по проверке истинности сообщения [4].

Анализ сложившейся судебной практики показывает, что факт распространения сведений доказывается самыми различными способами: свидетельскими показаниями, нотариальным заверением, аудио и видеозаписью и т.д. Порочащий же характер сведений истцы пытаются доказать, как лично, используя при этом толковые словари, так и посредством лингвистических исследований.

В качестве защиты и восстановления нарушенных прав, а также прекращения их нарушения, истцы по данной категории дел вправе просить суд о следующем: опровергнуть порочащие сведения (зачастую тем же способом, каким и были распространены), опубликовать свой ответ в СМИ (в случае если СМИ ответчик), удалить порочащие и не соответствующие действительности сведения, признать сведения не соответствующими действительности, возместить убытки и компенсировать моральный вред.

Таким образом, защита таких важных нематериальных благ граждан и юридических лиц, как честь, достоинство и деловая репутация является важной и актуальной задачей государства на современном этапе его функционирования. Именно поэтому, право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации закреплено в основном законе государства и является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц - одним из условий их успешной деятельности. Кроме того, анализ судебной практики также позволяет сделать вывод о том, что сфера обсуждаемых нематериальных благ, а главное их защиты, постепенно приобретает упорядоченность и привлекает к себе все больше внимания, как со стороны правоприменителей, так и законодателей.

Библиографический список

1. *Восканян Р.О.* Прогнозирование стоимости инновационной компании с использованием реального опциона в условиях нестабильного развития экономики // *Финансовый бизнес.* 2015. № 5 (178). С. 38-42.
2. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // *Бюллетень Верховного Суда РФ.* 2005. № 4.
3. *Восканян Р.О., Шубина Т.В.* Нематериальные активы как составляющая гудвила инновационной компании // *Аудиторские ведомости.* 2017. № 1-2. С. 85-93.
4. *С. Будылин* «This is America: Дело о чести, достоинстве и недоказанной взятке» // [Электронный ресурс] / *Профессиональная социальная сеть для юристов* — Режим доступа: <https://zakon.ru/>.

FRAMEWORK AGREEMENT: GENERAL ANALYSIS

РАМОЧНЫЙ ДОГОВОР: ОБЩИЙ АНАЛИЗ

Sergey Olegovich MAKARCHUK,
Lecturer of the department of
civil and labor law, Civil Procedure
Moscow University Russian Interior
Ministry behalf of V. Kikot

Сергей Олегович МАКАРЧУК,
преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: izkemerovo@mail.ru

Научная специальность: 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Annotation. In the article, an overall analysis of the framework contract (a contract with open terms), again included in the Civil Code of the Russian Federation, is conducted. As a result of the conducted qualification, the relevant legal design is recognized as a kind of organizational agreements.

Keywords: framework agreement, open-ended contract, organizational agreement, general conditions, essential conditions

Аннотация. В статье проводится общий анализ вновь включенного в ГК РФ рамочного договора (договора с открытыми условиями). В результате проведенной квалификации соответствующая правовая конструкция признана разновидностью организационных договоров.

Ключевые слова: рамочный договор, договор с открытыми условиями, организационный договор, общие условия, существенные условия

На сегодняшний день под рамочным договором (договором с открытыми условиями), с учетом диспозиции статьи 429.1 ГК РФ, понимается обязательство, включающее общие условия взаимоотношений участников, которые, путем заключения иных договоров или посредством совершения других юридических действий, могут быть детализированы и уточнены.

Данная разновидность соглашения используется в имущественном обороте достаточно давно, о чем свидетельствует сформировавшаяся на момент введения соответствующей нормы судебная практика¹.

В отдельных сферах предпринимательской деятельности гражданским законодательством определены обязательственные отношения регулируются при помощи близких по существу правовых приемов, которые, как представляется, должны квалифицироваться по отношению к положениям статьи 429.1 ГК РФ в качестве специальных. Тем более, что в целом они им не противоречат.

Так, из статьи 798 ГК РФ следует, что перевозчик и грузоотправитель, в случае реализации систематических перевозок груза, могут заключать

длящиеся договоры об организации перевозок. В рамках таких договоров перевозчик должен в установленные сроки принимать, а грузоотправитель – предоставлять грузы в определенном объеме. Таким соглашением определяются объемы, периоды времени, порядок расчетов и иные общие условия, которые в последующем могут быть конкретизированы.

Согласно статьи 941 ГК РФ систематическое страхование разных партий однородных вещей на аналогичных условиях в течении определенного срока может по соглашению сторон выполняться на основании генерального полиса. При этом, по заявлению страхующегося лица, страховщик должен выдавать страховые полисы по отдельным партиям товара, подпадающим под действие такого генерального полиса. При этом, в случае несоответствия содержания генерального и единичного страхового полиса предпочтение отдается последнему.

Основной характеристикой рамочного договора является то, что при его достижении участники определяют лишь самые примерные условия их последующих (как правило длительных) имущественных взаимоотношений, которые в дальнейшем уже

должны конкретизироваться иными «разовыми» договорами, заключающимися по общему правилу в соответствии с этими общими условиями.

На необходимость включения анализируемой конструкции в тело ГК РФ впервые было указано в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, в соответствии с которой договором с открытыми условиями должен быть стать договор, который уже заключен, но условия которого подлежат применению и конкретизации в будущем². Также определенная связь рассматриваемого вида соглашения усматривается с Принципами международных коммерческих контрактов УНИДРУА³ в рамках которых предусмотрена возможность заключения договоров с умышленно открытыми условиями.

В связи с тем, что рамочный договор по своей юридической природе призван упорядочивать предстоящие взаимосвязи субъектов, обладает универсальным характером, и что самое важное, изначально лишен экономического содержания, он может быть квалифицирован как разновидность организационных договоров. При этом отличительной его от предварительного договора чертой, является предназначенность «обслуживания» не одного акта товарообмена, а целой системы таких действий.

Учитывая возникающую взаимосвязь общих и принимаемых на их базе специальных условий, принципиальным является вопрос относительно их соотношения в контексте юридической значимости.

Как представляется, с учетом анализа п. 2 статьи 429.1 ГК РФ, в котором указывается на необходимость применения открытых условий, содержащихся в рамочном договоре, в случае если соответствующие отношения не урегулированы специальными условиями, законодатель исходил из субсидиарного порядка их применения (общие правила подлежат применению, если отсутствуют специальные правила). Однако нужно учитывать, что указанная процедура применяется только в том случае, если иное не предусмотрено договором либо не вытекает из существа обязательства.

Данное обстоятельство подтверждается имеющейся судебной практикой. Так, по одному из дел между Истцом (поставщиком) и Ответчиком (покупателем) был заключен договор поставки, на основании которого поставщик по товарным накладным передал покупателю товар общей стоимостью 512 512 рублей. В свою очередь покупатель свою обязанность по уплате товара не выполнил. Истец обратился с требованием в суд о взыскании 512 512 рублей задолженности и 377 489 рублей неустойки, начисленной в соответствии с условиями договора поставки. Ответчик ссылаясь на иной размер неустойки, считая, что условия договора поставки к передачи конкретной партии товара применяться не должны.

При вынесении постановления Арбитражный суд исходил из того, что в рассматриваемом случае к отношениям сторон подлежали применению условия рамочного договора.

При этом Арбитражный суд основывался на Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 08.02.2011 № 13970/10 по делу N А46-18723/2008, которым установлено, что, в случае наличия спора о заключенности договора, суд должен оценивать обстоятельства и доказательства в их совокупности и взаимосвязи в пользу сохранения, а не аннулирования обязательства, а также исходя из презумпции разумности и добросовестности участников гражданских правоотношений.

Также Арбитражным судом был принят во внимание пункт 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 N 165 согласно которого условия организационного (рамочного) соглашения являются частью договора, если иное не указано сторонами и такой договор в целом соответствует их намерению, выраженному в соглашении. Если договор о поставке между сторонами не содержит ни условия о неустойке, ни отсылки к организационному (рамочному) соглашению, однако характер этого договора свидетельствует о том, что стороны распространили на него действие условий рамочного соглашения, то, установив в таком соглашении условие о неустойке, стороны предусмотрели неустойку на случай неисполнения покупателем обязательства по оплате товара, возникших из договора о поставке.

В конечном счете размер неустойки Арбитражным судом был определен в размере 0,5% от суммы неоплаченного товара за каждый день просрочки, что соответствовало условиям договора поставки, и требования Истца были в полном объеме удовлетворены.

Одним из вопросов, возникающим в связи с анализируемой нормой также является проблема перфекции рамочного соглашения. Как известно, по общему правилу, договор считается заключенным, если между участниками, в соответствующей форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям (статья 432 ГК РФ). В то же время статьей 429.1 ГК РФ, как уже было указано ранее, сторонам предоставляется возможность уточнения и конкретизации любых условий рамочного договора. При этом нормой не устанавливается никаких ограничений. В конечном счете это приводит к тому обстоятельству, что участники могут достигнуть соглашения и в отсутствии существенных условий, что само по себе противоречит доктрине гражданского права.

Так, по одному из дел, Арбитражный апелляционный суд пришел к выводу о том, что довод Истца об осуществлении грузоперевозок спорных вагонов в рамках договора транспортной экспеди-

ции подлежит отклонению, поскольку Истцом не представлено поручение экспедитору, являющееся необходимым экспедиторским документом, подтверждающим заключение договора транспортной экспедиции согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона от 30.06.2003 N 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности», п. 5 Правил транспортно-экспедиционной деятельности, утвержденных постановлением Правительства РФ от 08.09.2006 N 554, ст. ст. 3.1, 3.2, 3.5 Договора, Приложению N 1 к Договору. Без поручения экспедитору Договор представляет собой лишь рамочную сделку, в которой ее существенные, конкретные условия, в част-

ности, какие транспортно-экспедиционные услуги заказаны клиентом экспедитору, не определены (ст. 429.1 ГК РФ).

¹ Например, Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 февраля 2014 г. № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными».

² Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М.: Статут, 2009. С. 122 - 123.

³ Принципы международных коммерческих договоров УНИ-ДРУА 2010 / Пер. с англ. А.С. Комарова. М.: Статут, 2013.

УДК 347.345/47

ББК 67.404.5

THE CONTENT OF THE MARRIAGE CONTRACT: PECULIARITIES OF LEGAL REGULATION OF AND LAW ENFORCEMENT

СОДЕРЖАНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Anastasiya Vladimirovna ASTASHKINA,

Senior Lecturer in civil and labour law,
civil process of the Russian Ministry of Internal Affairs of
Moscow University name of V.j. Kikitja, PhD

Анастасия Владимировна АСТАШКИНА,

Старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук
E-mail: asanastasia@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Annotation. In the article the considers the issues of legal regulation of the conditions of the marriage contract, the legal practice of the notarial activities, as well as judicial practice on challenging pre-nuptial agreements.

Keywords: the marriage contract, content

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы правового регулирования условий брачного договора, правоприменительная практика нотариальной деятельности, а также судебная практика по оспариванию брачных договоров.

Ключевые слова: брачный договор, содержание

Понятие и содержание брачного договора, регулируемые нормами действующего Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), уже более 20 лет являются объектом дискуссионных научных исследований.

В последние годы особая актуальность данных вопросов вызвана не только постепенным изменением менталитета российских граждан, увеличением количества лиц с высоким уровнем доходов,

заключающих брачный договор, но и совершенствованием системы регистрации нотариальных действий, в частности, посредством ведения электронных реестров брачных договоров в единой информационной системе нотариата¹.

Несмотря на это анализ положений ст. 42 СК РФ, а также нотариальной и судебной практики по заключению и оспариванию брачных договоров свидетельствует о наличии в законе формулировок,

способствующих формированию неоднозначной правоприменительной практики.

Так, в соответствии с п.1 ст. 42 СК РФ супруги помимо определения в брачном договоре своих прав и обязанностей по взаимному содержанию, способов участия в доходах друг друга, порядка несения каждым из них семейных расходов, а также определения имущества, которое будет передано каждому из них в случае расторжения брака, могут включить в брачный договор любые иные положения, касающиеся имущественных отношений супругов.

В ходе обобщения нотариальной практики возник вопрос о возможности включения в брачный договор условия об осуществлении денежных выплат, которые будут производиться одним из супругов другому в случае расторжения брака, поскольку в вышеуказанной норме прямо предусмотрена только возможность передачи имущества.

Как указывает Н.В. Артемьева, представляют интерес положения брачных договоров, согласно которым по одному муж обязуется в случае расторжения брака выплачивать жене 30% от своего дохода, по другому – муж обязан в течение года с момента расторжения брака выплатить 200 тыс. руб.; этим договором также определялось имущество, которое будет передано каждому из супругов. В ходе обсуждения признана правомерность этого положения по следующим основаниям: брачный договор может определять имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения (ст. 40 СК РФ). Имущественные права и обязанности могут быть любые: как в отношении имущества, так и прочего. Поэтому супруги вправе установить обязанность супруга выплачивать денежные средства бывшему супругу².

В этой связи необходимо отметить, что до сих пор одним из дискуссионных вопросов в семейном праве является возможность возложения ответственности на супругов за их виновное поведение, которое привело к расторжению брака.

При этом исследователи справедливо отмечают, что российское законодательство никогда не учитывало и в настоящее время также не учитывает вину кого-либо из супругов в разводе, поскольку эта категория настолько субъективна, что практически не поддается объективной оценке и доказыванию³.

В научных исследованиях вина супруга в распаде семьи, и как следствие, расторжении брака, как правило, связывается с его недостойным поведением, однако в СК РФ учет такого поведения супруга ограничивается нормой ст.92 СК РФ, которая устанавливает возможность освобождения (ограничения сроком) от обязанности выплаты алиментов одним супругом, как в период брака, так и после его расторжения, на содержание нетрудоспособного нуждающегося в помощи супруга, допустившего недостойное поведение в семье.

Кроме того, закон не конкретизирует, что подразумевается под недостойным поведением.

Каждая семья имеет свои устои. Что для одной семьи считается нормальным, то для другой может являться недопустимым. Например, супружеская неверность, оскорбления для одних лиц, состоящих в браке, могут быть обидным явлением, а для других - девиантным (аморальным) поведением. При разрешении данной категории семейно-правовых споров суд опирается на нормы морали, нравственности и права, так как недостойным может быть признано и поведение, которое законом не запрещено, но противоречит общепризнанным моральным нормам⁴.

Возникает вопрос, можно ли установить в брачном договоре условие об обязанности осуществления денежных выплат, которые будут производиться одним супругом, допустившим в браке, в том числе в случае его расторжения, недостойное поведение в пользу другого супруга?

По мнению С.А. Сидоровой по СК РФ прелюбодеяние не является семейным правонарушением, но представляется возможным закрепить наступление неблагоприятных имущественных последствий (и тем самым привлечь к ответственности) для такого супруга в брачном договоре либо в алиментном соглашении. Это допустимо, так как законодатель вводит такое понятие, как «недостойное поведение в браке», которое можно рассматривать как противоправное и виновное⁵.

Однако согласно п.2 ст. 42 СК РФ права и обязанности, предусмотренные брачным договором, могут ограничиваться определенными сроками либо ставиться в зависимость от наступления или от ненаступления определенных условий. Это означает, что семейное законодательство предусматривает возможность закрепления в брачном договоре недостойного поведения супруга в семье, но не в качестве одного из условий его ответственности, а в качестве условия возникновения или прекращения прав и обязанностей у другого супруга.

В практике нотариусов в качестве таких условий нередко выступает рождение ребенка, измена супруга, совершение им преступления в отношении другого супруга, злоупотребление супругом спиртными напитками или наркотическими средствами и т.д.⁶

Вместе с тем, как следует из ст. 40 и п.3 ст.42 СК РФ брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами. На первый взгляд, данная формулировка предельно четко запрещает возможность включения в текст договора условия о недостойном поведении супруга, при наличии которого у другого супруга возникает право на получение соответствующих денежных выплат.

Однако в научных исследованиях обосновывается также мнение о том, что личные неимущественные отношения остаются полностью вне рамок юридического воздействия брачного договора, выступая в роли лишь неких психологических стимуляторов совершения или, наоборот, воздержания от совершения супругами действий нематериального характера, в результате чего запрет СК РФ о регулировании положениями брачных договоров личных отношений останется не задетым. В связи с этим мы должны признать принципиальную возможность установления в брачных договорах условий с нематериальным содержанием, порождающих имущественные последствия, и, как следствие этого, возможность проникновения в брачные договоры неких нематериальных элементов⁷.

Помимо запрета регулирования брачным договором личных неимущественных отношений между супругами п. 3 ст. 42 СК РФ предусматривает, в частности, что брачный договор не может содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства. При этом в соответствии с п. 2 ст. 44 СК РФ суд может также признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение.

Вопрос об отсутствии в законе конкретных условий брачного договора, ставящего супруга в крайне неблагоприятное положение, был предметом обсуждения Конституционного суда РФ, который указал, что использованная в п. 2 ст. 44 СК РФ в целях закрепления основания для признания брачного договора недействительным описательно-оценочная формулировка «условия договора, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение» не свидетельствует о неопределенности содержания данной нормы: разнообразие обстоятельств, оказывающих влияние на имущественное положение супругов, делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе. Использование федеральным законодателем в данном случае такой оценочной характеристики преследовало цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, что само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод заявительницы, перечисленных в жалобе. Вопрос же о том, ставят ли условия конкретного брачного договора одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, разрешается в каждом случае судом с учетом конкретных обстоятельств.⁸

В настоящее время такое обоснование исков о признании брачного договора недействительным как наличие в нем условий, ставящих супруга в

крайне неблагоприятное положение, является достаточно распространенным в судебной практике⁹.

Показательным примером по оспариванию брачного договора, содержащего в качестве условия возникновения имущественных прав у супруги при наличии недостойного поведения супруга, которое привело к расторжению брака, является гражданское дело по иску Сафаряна А.А. к Карапетян Л.Г. о признании брачного договора недействительным¹⁰.

Условиями брачного договора было предусмотрено, что в случае расторжения брака по инициативе Сафаряна А.А. либо в результате его недостойного поведения (супружеской измены, пьянства, хулиганских действий и т.п.) имущество, нажитое во время брака и относящееся к общей совместной собственности супругов, переходит в собственность Карапетян Л.Г. Приобретенные во время брака акции и другие ценные бумаги, а также дивиденды по ним, доли в имуществе и (или) доходах коммерческих организаций, а также банковские вклады и проценты по ним во время брака и в случае его расторжения являются собственностью Карапетян Л.Г.

Решением мирового судьи судебного участка № 222 г. Москвы от 29 августа 2008 г. по делу по иску Сафаряна А.А. брак между ним и Карапетян Л.Г. расторгнут.

Решением Гагаринского районного суда г. Москвы от 8 октября 2013 г. по иску Карапетян Л.Г. к Сафаряну А.А. был произведен раздел совместно нажитого имущества, в основу которого положен брачный договор, заключенный 17 мая 2001 г. между Сафаряном А.А. и Карапетян Л.Г.

Сафарян А.А. обратился в суд с иском к Карапетян Л.Г. о признании брачного договора недействительным. В обоснование иска он указал, в частности, о том, что брачный договор ставит его (Сафаряна А.А.) в крайне неблагоприятное положение и противоречит действующему законодательству. Решением Гагаринского районного суда г. Москвы от 1 июня 2015 г. его исковые требования были удовлетворены. Брачный договор, заключенный между Сафаряном А.А. и Карапетян Л.Г. 17 мая 2001 г., был признан недействительным.

Рассмотрев кассационную жалобу Карапетян Л.Г. на вышеуказанное решение Верховным судом РФ был сделан вывод о том, что условия брачного договора поставили истца в крайне неблагоприятное положение, поскольку после расторжения брака он лишается всего совместно нажитого имущества.

Однако при этом правомерность включения в текст брачного договора условия о переходе в собственность Карапетян Л.Г. при расторжении брака в результате недостойного поведения ее супруга судом не оценивалась, поскольку переход совместно нажитого имущества в собственность Карапетян Л.Г. в соответствии с условием договора в данном случае был произведен в связи с расторжением

брака по инициативе Сафаряна А.А., а не в виду его недостойного поведения.

Таким образом, несмотря на то, что правоприменительная практика в настоящее время свидетельствует о том, что супруги заключают брачные договоры, регулирующие их личные неимущественные отношения, данные условия не соответствуют действующему семейному законодательству.

¹Федеральный закон от 21.12.2013 № 379-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 291, 25.12.2013; п.61 Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата, утв. решением Правления ФНП от 02.06.2014, приказом Минюста России от 17.06.2014 № 129 (ред. от 28.12.2016) // Российская газета. № 136, 20.06.2014.

²Артемьева Н.В. Методика проведения обобщений нотариальной практики (на примере практики удостоверения брачных договоров) // Актуальные вопросы нотариальной деятельности. Материалы семинара с представителями и методистами нотариальных палат субъектов Российской Федерации. Москва, 19–22 ноября 2009 года. – М.: ФРИК, 2010. С.92.

³Румянцева Н.С. К вопросу о недостойном поведении супруга как основании освобождения от обязанности по содержа-

нию // Современный юрист. 2013. № 2(3). С. 107.

⁴Левушкин А.Н. Судебное усмотрение при разрешении семейно-правовых споров: объективная необходимость или проблемы законодательной практики? // Пятый Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 24 - 25 октября 2014 г.): избранные материалы / Г.В. Абшилава, В.В. Акинфиева, А.Б. Афанасьев и др.; отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М.: Статут, 2015. С.241.

⁵Сидорова С.А. Вина как условие ответственности в семейном праве // Российский судья. 2005. № 9.

⁶Цветков А.С. Актуальные вопросы практики применения брачного договора в нотариальной деятельности // Современное право. 2017. № 1. С. 29.

⁷Гришин И.П., Мыскин А.В. К вопросу о регулировании личных неимущественных отношений в брачном договоре // Юрист. 2009. № 10. С. 43.

⁸Определение Конституционного Суда РФ от 21 июня 2011 г. № 779-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Арбузовой Валентины Павловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

⁹Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.02.2017 № 33-4724/2017 по делу № 2-8176/2016; Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 29.06.2016 по делу № 33-8424/2016; Апелляционное определение Московского городского суда от 24.07.2017 по делу № 33-28323/2017; Апелляционное определение Московского городского суда от 06.11.2012 по делу № 11-23333 и др.

¹⁰Определение Верховного Суда РФ от 20.12.2016 № 5-КГ16-174 // СПС «КонсультантПлюс».

DANGEROUS: HOUSE PURCHASE

ДОМ: ОПАСНАЯ ПОКУПКА

Никита Александрович КОЛОКОЛОВ,
судья Верховного Суда РФ (в отставке),
профессор МПГУ, доктор юридических наук (г. Москва)

Nikita Aleksandrovich KOLOKOLOV,
judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Ret.),
Professor MPGU, doctor of legal sciences (Moscow)

Annotation. Analysis of disputes concerning recognition of unlawful agreements of purchase and sale of real estate allows you to make a disappointing conclusion: the existing implementation schemes, despite participation in the process of formalizing arrangements notaries, subsequent registration of results transactions public authorities does not guarantee buyers against problems which are ex-relatives of the seller.

Keywords: civil law; family law; the right of spouses to property acquired during the marriage; especially of mechanism of the alienation of property by one spouse

Аннотация. Анализ споров о признании незаконными договоров купли продажи недвижимости позволяет сделать неутешительный вывод: существующие схемы их осуществления, несмотря на участие в процессе оформления соглашений нотариусов, последующую регистрацию результатов сделок органами государственной власти, не гарантирует покупателей от проблем, источником которых являются бывшие родственники продавца.

Ключевые слова: Гражданское право; семейное право; право супругов на имущество, приобретенное в браке; особенности механизма отчуждения имущества одним из супругов

Вопрос, как гражданину приобрести недвижимость и затем не потерять ее, а вместе с нею и деньги, выплаченные продавцу, риторическим совсем не является. Свои наблюдения в данной сфере человеческих отношений подкрепим весьма показательным примером из судебной практики.

Супруги решили купить недвижимость

Панченко Дмитрий и Юлия¹ состояли в браке с 10 декабря 1988 года, в котором у них родился сын Даниил. На семейном совете супруги решили: недалеко от Туапсе купить земельный участок с возведенными на нем постройками (Далее - Участок). В рамках данной договоренности 18 января 2008 года Дмитрий заключил с супругами Архиповыми Семенов и Анной предварительный договор купли-продажи, по условиям которого последние (продавцы) обязались в срок до 28 января 2008 года заключить с Дмитрием (покупателем) договор купли-продажи Участка по цене 4.800.000 руб.

29 января 2008 года Юлия выдала мужу нотариально удостоверенное согласие на приобретение этого Участка за цену и на условиях по усмотрению супруга.

Сделка замаскирована

Изучение банковских счетов супругов Панченко выявило факт снятия 29 января 2008 года со счёта Дмитрия вышеуказанной суммы, что позволяет сде-

лать вывод: сделка фактически состоялась. Однако в установленный предварительным договором срок основной договор купли-продажи сторонами заключён не был.

29 января 2008 года супруги Архиповы выдали две доверенности:

- на имя некоей М., согласно которой она уполномочивалась продать Участок супругам Панченко;
- Дмитрию на право управления и распоряжения Участком.

Брак расторгнут

5 октября 2010 года заочным решением мирового судьи судебного участка № 217 Туапсинского района Краснодарского края брак между Дмитрием и Юлией расторгнут. Был ли при этом супругами каким-то образом разрешен вопрос о судьбе совместной собственности, информации у нас нет. Сам факт вынесения заочного решения судьей позволяет высказать следующие версии:

- Юлия отнеслась к вопросу о расторжении брака должного к тому внимания;
- следовательно, реального спора о браке у супругов Панченко не было;
- не было и спора о разделе совместно нажитого ими имущества;

Не исключено, что супруги в устной договорились о том, что какое-то имущество (например,

квартира) остается у Юлии, а иное имущество, тот же Участок, отходит к Дмитрию.

Действующее законодательство не требует от бывших супругов официального оформления новых имущественных отношений. Данное обстоятельство является базовой предпосылкой к тому, что имущественные споры между бывшими супругами (как реальные, так потенциальные), автоматически консервируются на неопределенный срок. О тайном существовании таких споров, их остроте окружающие, как правило, узнают, рискнув приобрести недвижимость у лиц, уклоняющихся от официального оформления всего спектра их отношений.

Дмитрий оформил Участок

1 апреля 2011 года между Ахиповым Семёном, действующим от своего имени, а также уже от имени Архиповых Ксении и Дарьи (продавцы) и Дмитрием (покупатель) был заключён договор купли-продажи Участка. 25 апреля 2011 года Дмитрий в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на указанный объект недвижимости.

Дмитрий продал Участок

17 октября 2013 года между Дмитрием (продавец) и Храбровой Валентиной (покупатель) был заключён договор купли-продажи Участка, 24 октября 2013 года Валентина в установленном законом порядке зарегистрировала право собственности на приобретенный объект недвижимости.

Скорее всего, Валентина накануне покупки ограничилась тем, что наивно приняла к сведению факты:

- Дмитрий расторгнул брак три года назад;
- у бывшей супруги было предостаточно времени заявить к нему все имущественные претензии.

Внимательный читатель, наверное, уже обратил внимание на то, общий срок давности - три года с момента оформления покупки Участка Дмитрием к моменту его продажи Валентине не истек.

Будущее покажет, Валентина совершила следующие ошибки:

- пренебрегла обязательной в таких случаях тщательной проверкой всей истории Участка с момента его выделения органом государственной власти первому застройщику до даты его последней продажи;
- не поинтересовалась у продавца характером его отношений с бывшей супругой;
- главное, постеснялась потребовать от Юлии нотариально удостоверенное заявления о полном отсутствии у нее интереса к Участку.

Смерть Дмитрия

В декабре 2013 года Дмитрий умер, по закону его наследники первой очереди: отец - Панченко Виктор, мать - Панченко Евгения и сын - Панченко Даниил.

Иск к Валентине

Панченко Юлия и Даниил обратились в суд с иском к Валентине и родителям Дмитрия о:

- признании договора купли-продажи Участка недействительным;
- применением последствий к недействительной сделке;
- признании Участка совместной собственностью супругов Павленко;
- признании за Юлией права собственности на 1/2 доли в совместно нажитом имуществе и права собственности на 1/8 доли в указанном имуществе в порядке наследования по закону;
- о признании за Даниилом, Панченко Евгений и Панченко Виктором, права собственности на 1/8 доли в наследственном имуществе за каждым.

В обоснование требований истцы сослались на то, что спорный Участок приобретён, когда супруги Панченко состояли в браке на принадлежащие обоим деньги. Только после смерти Дмитрия истцам стало известно, что:

- брак между супругами расторгнут в 2010 году на основании заочного решения мирового судьи по заявлению Дмитрия;
- Дмитрий в тайне от них зарегистрировал право собственности на Участок только на своё имя и самовольно продал его Валентине.

Поскольку Юлия согласия на совершение данной сделки Дмитрию не давала то, по мнению истцов, сделка является недействительной, короче, ее не было, следовательно, не было и ущемляющих интересы истцов действий.

Суд на стороне Юлии

Решением Туапсинского районного суда Краснодарского края от 4 апреля 2016 г. иски удовлетворены частично.

Договор купли-продажи Участка между Дмитрием и Валентиной признан недействительным, применены последствия недействительности сделки в виде приведения сторон в первоначальное положение.

Участок признан совместной собственностью супругов Панченко, за Юлией признано право собственности на 1/2 доли в названном имуществе, за Даниилом - право собственности на 1/6 доли в имуществе в порядке наследования по закону после смерти отца.

В удовлетворении остальной части требований отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 19 июля 2016 г. решение суда оставлено без изменения.

Позиция Верховного Суда РФ

В кассационной жалобе, адресованной в Верховный Суд РФ, Валентина поставила вопрос об отмене обжалуемых судебных постановлений, как незаконных. Определением судьи Верховного Суда

РФ от 30 июня 2017 года кассационная жалоба ответчицы с делом была передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, которая нашла, что имеются достаточные основания для отмены состоявшихся по делу судебных постановлений.

В соответствии со ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Такие нарушения норм материального и процессуального права были допущены при рассмотрении настоящего дела судами первой и апелляционной инстанций, что выразилось в следующем.

Ошибки Краснодарских судов

Признавая оспариваемый договор купли-продажи Участка недействительным, суд первой инстанции исходил из того, что на указанное имущество распространяется режим совместной собственности супругов, в силу чего при его отчуждении Дмитрием были нарушены права Юлии - участника совместной собственности. Однако данный вывод сделан с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Согласно п. 1 ст. 166 ГК РФ сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания её таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

В соответствии со ст. 2 СК РФ семейное законодательство устанавливает условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами, а также определяет формы и порядок устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей.

Таким образом, предметом регулирования семейного законодательства являются, в частности, имущественные отношения между членами семьи -супругами, другими родственниками и иными лицами. Семейное законодательство не регулирует отношения, возникающие между участниками гражданского оборота, не относящимися к членам семьи.

Брак между Дмитрием и Юлией расторгнут на основании заочного решения мирового судьи от 5 октября 2010 года. Оспариваемый истцами договор купли-продажи Участка заключён 17 октября 2013 года. К этому моменту Дмитрий и Юлия:

- перестали быть супругами;
- следовательно, прекратилось их владение, пользование и распоряжение общим имуществом, определяемое ст. 35 СК РФ;
- они приобрели статус участников совместной собственности, регламентация которой осуществляется ГК РФ.

Согласно п. 2 ст. 253 ГК РФ распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершается сделка по распоряжению имуществом.

В соответствии с п. 3 ст. 253 ГК РФ каждый из участников совместной собственности вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом, если иное не вытекает из соглашения всех участников. Совершённая одним из участников совместной собственности сделка, связанная с распоряжением общим имуществом, может быть признана недействительной по требованию остальных участников по мотивам отсутствия у участника, совершившего сделку, необходимых полномочий только в случае, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об этом.

Исходя из положений вышеприведённых правовых норм суду при разрешении спора о признании недействительной сделки по распоряжению общим имуществом, совершённой одним из участников совместной собственности, следовало установить наличие или отсутствие полномочий у участника совместной собственности на совершение сделки по распоряжению общим имуществом, которые возникают у этого участника в случае согласия остальных участников совместной собственности на совершение такой сделки.

Также суд должен был установить наличие или отсутствие осведомлённости другой стороны по сделке об отсутствии у участника совместной собственности полномочий на совершение сделки по распоряжению общим имуществом и обстоятельства, с учётом которых другая сторона по сделке должна была знать о неправомерности действий участника совместной собственности.

Следовательно, при установлении факта нахождения спорного недвижимого имущества до его отчуждения Валентине в совместной собственности Дмитрия и Юлии для правильного разрешения спора суду следовало установить, имелись ли у Дмитрия полномочия на отчуждение Участка. В случае несогласия Юлии на отчуждение Дмитрием Участка суду следовало установить, знала ли должна ли была знать об этом Валентина.

Указанные обстоятельства, являлись юридически значимыми и подлежащими установлению судом для правильного разрешения дела о признании оспариваемой сделки недействительной.

Однако суд указанные обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения спора, оставил без исследования и правовой оценки.

В силу ч. 1 ст. 195 ГПК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 2 и 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права. Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59-61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов.

Между тем судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций указанным требованиям закона не отвечают. Удовлетворяя исковые требования, суд не указал, на основании каких норм права пришёл к выводу о недействительности оспариваемой сделки.

Кроме того, делая вывод о том, что срок исковой давности по требованию о признании сделки недействительной истцами не пропущен, суд указал, что данный срок подлежит исчислению с момента исполнения сделки. При этом суд не учёл, что заключённый между Дмитрием и Валентиной договор купли-продажи, оспариваемый истцами по мотиву отсутствия согласия Юлии на его заключение, является оспоримой сделкой, а в силу положений п. 2 ст. 181 ГК РФ срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий её недействительности составляет только один год и течение срока исковой давности исчисляется со дня, когда истцы узнали (должны были узнать) об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

Указанные требования закона не были учтены судами при разрешении вопроса о пропуске истцами срока исковой давности. С учётом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ нашла, что допущенные судом апелляционной инстанции нарушения норм материального и процессуального права являются существенными, которые повлияли на исход дела и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов Валентины, в связи с чем все состоявшиеся по делу решения были отменены как незаконные, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции².

При новом рассмотрении дела суду дано указание: учесть изложенное и разрешить спор в соответствии с установленными по делу обстоятельствами и требованиями закона.

Нас совершенно не интересует, принадлежит ли Юлии, действительно, право собственности на часть спорного Участка или истица лишь предполагает, что такое право у нее есть. Наша цель гораздо скромнее, обратить внимание потенциальных покупателей, на серьезную пробельность закона и на формальность судебной практики.

Пробелы в законе

С 1917 по 1991 год отечественное гражданское законодательство не знало такого института, как право конкретного гражданина за землю, максимум, чем он имел право владеть, так это жилым домом, надворными постройками на выделенном ему под индивидуальное жилищное строение участке. Начиная с 1991 года, начался постепенный, все еще далекий от завершения, процесс оформления земли под строениями в собственность. К сожалению, выдаче свидетельства о праве собственности (регистрации права собственности) не предшествует конкретизация истории собственников, скажем больше, покупателю не имеют реального доступа к информации о них. Сказанное позволяет сделать однозначный вывод: объект недвижимости, покупаемый у физического лица – «кот в мешке», все возможные риски, которые могут сопутствовать такой сделке, государство полностью возлагает на беспомощного покупателя.

Поскольку:

1. предварительный договор купли продажи от 18 января 2008 года,
2. выдача двух доверенности 29 января 2008 года и
3. оформление этим же днем заявления от Юлии о том, что с покупкой Участка мужем она согласна – нотариальные акты, то должно существовать обязательное правило учета данной информации при последующих сделках со спорной недвижимостью. Как видим, данная информация нигде не аккумулируется, более того, зачастую и не хранится.

Каждый раз следует проверить, что желает заявить бывшая супруга при: 1) покупке объекта 1 апреля 2011 года, его регистрации 25 апреля 2011 года, его продаже ответчице 17 октября 2013 года и при его регистрации последней 24 октября 2013 года.

Естественно, что перечисленные формальности существенно ограничивают свободу договора, однако, бесспорно, все они предельно минимизируют возможность злоупотребления правом на иск со стороны как бывших владельцев недвижимости, та и со стороны лиц, предполагающих, что у них имеется право собственности на чужое имущество.

Наблюдения автора, изучившего данную проблему, в некоторых других государствах, в которых развитие института права собственности на землю и другие объекты недвижимости не прерывалось, позволяют констатировать: уполномоченные органы, в первую очередь, нотариусы – элементы судебных систем, самостоятельно ведут учет собственников всех, участков, домов, сооружений. Скажем больше, нотариусы имеют свежие исчерпывающие сведения относительно реального их технического состояния. Нужно ли добавлять, что столь высокий уровень требовательности к фиксации статуса недвижимости был вызван к жизни предшествовавшей ему историей злоупотреблений правом. Пора нам учиться на чужом опыте. Встречаются еще учеты объектов недвижимости, в основе которых реестры, составленные немецкими оккупационными войсками в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 годов). Парадоксально, но факт, когда органы государственной власти желают прояснить историю того или иного объекта, они только в этих реестрах находят нудную информацию.

Отсутствие реальной информации о недвижимости порождает никому не нужные споры. Например, автору в начале 90-х годов прошлого века в г. Курске довелось рассматривать гражданское дело по иску некоей Капитолины, претендующей на 11/12 домовладения, а также соответствующую долю расположенного под ним земельного участка. В обоснование своего требования истица представила «свежий» документ от нотариуса, который закреплял за ней право собственности на часть спорного домовладения. Каково же было удивление членов суда, когда выяснилось, что еще в 70 годы XX века решением Промышленного райисполкома г. Курска спорное домовладение снесено за ветхостью, принадлежащая Капитолине часть была выдана истице в виде оставшихся стройматериалов. Ответчики тогда же без участия Капитолины с разрешения Промышленного РИК построили новый дом, на который зарегистрировали полностью на себя. Капитолина, точнее ее адвокат, воспользовавшись диссонансом в сведениях о домах («стром» и «новом») запустили, как говорил сатирик А.М. Райки, «дурочку» - иск, разбирательство на которое суд потратил не один день. Капитолине в иске было отказано, была по делу и кассационная инстанция, после которой истица еще долго «строчила» жалобы на участников процесса.

Кто-то скажет, курьез. Мы же констатируем, что российских нотариусов интересует не фактическое состояние объекта, а документ о таковом.

Пробелы в судебной практике

По делу о праве собственности на Участок суды в части установления фактических обстоятельств дела ограничились принятия к сведению инфор-

мации о том, что ответчица (Валентина) не располагала нотариально удостоверенным заявлением истицы о том, что последняя согласна на продажу Участка.

При этом, судя по всему, суд не интересовал характером отношений между бывшими супругами Панченко, начиная с 5 октября 2010 года. Поскольку стороны не осмелились оспорить факт расторжения брака, законность заочного решения мирового судьи, в судебном заседании следовало бы выяснить, как между бывшими супругами Панченко был разрешен спор о совместно нажитом имуществе, чем объяснялось трехлетнее молчание Юлии по поводу возможного наличия у нее прав на Участок, как у бывшей супруги при жизни Дмитрия.

Не явилась для нее тайной и смерть бывшего мужа в декабре 2013 года, событие, которое должно было подвинуть Юлию к инвентаризации бывшего совместного имущества.

Основные научно-практические выводы:

Как видим, законодатель явно не спешит с урегулированием всего комплекса правоотношений между бывшими супругами, имущественные споры между которыми консервируются на многие годы.

В России нет органа, который бы добросовестно отслеживал историю возникновения, развития и прекращения прав собственности на объекты недвижимости. И нотариат, и органы, ведающие государственной регистрацией, в лучшем случае правильно запишут данные о текущем владельце, который представит им любую информацию о наличии у него права собственности на объект недвижимости.

В такой ситуации покупатель объекта недвижимости обязан лично проверить всю его историю.

Вызывает также озабоченность нежелание органов исполнительной власти озаботиться исполнением своих прямых обязанностей, в таких случаях «палочка-выручалочка» для участников споров о недвижимости суды. Формальный повод для отказа в регистрации органами исполнительной власти – отсутствие нужного пакета законов. Дело доходит до того, что оформление сделок с объектами недвижимости замирает в целых регионах.

Библиографический список

1. *Определение Судебной коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2017 года № 18-КГ17-105.* Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 год.

¹Фамилии и имена участников судебного разбирательства изменены.

²Определение Судебной коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ от 25 июля 2017 года № 18-КГ17-105. Электронный архив Верховного Суда РФ за 2017 год.

УДК 343
ББК 67

TO THE QUESTION ABOUT COMPENSATION OF MORAL HARM THE INTERNAL AFFAIRS AUTHORITIES, CAUSED BY AN ACCI- DENT

К ВОПРОСУ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА
ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ПРИЧИНЕННОГО
В РЕЗУЛЬТАТЕ ДТП

Leonid Dmitrievich VARLYGIN,
postgraduate, chair of civil and labor law,
civil procedure of Moscow University of MIA of Russia
named V.Ya. Kikot

Леонид Дмитриевич ВАРЛЫГИН
Адъюнкт кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России
им. В.Я. Кикотя
E-mail:leo2102@yandex.ru

Научная специальность: 12.00.03 – Гражданское право, семейное право, предпринимательское право, Международное частное право

Рецензент: кандидат юридических наук, доктор экономических наук, профессор Эриашвили Н.Д.

Annotation. Conducting the present study, the author carries out the analysis of current enforcement practices under claims about compensation of moral harm, which is tortious liability arising during the execution of the police law enforcement function.

Keywords: damages, moral damages, traffic accident, court, source of increased danger

Аннотация. Проводя настоящее исследование, автор осуществляет анализ сложившейся правоприменительной практики по искам о компенсации морального вреда, основанием которых является деликтное обязательство, возникшее в процессе исполнения сотрудниками полиции правоохранительной функции.

Ключевые слова: возмещение вреда, моральный вред, дорожно-транспортное происшествие, суд, источник повышенной опасности

Следует констатировать, что обращение лица пострадавшего вследствие ДТП, а также его родственников с исками о компенсации морального вреда не являются редкостью в современной практике. Указанные иски, в силу ст. 1084 ГК РФ, предъявляются и к органам внутренних дел.

При этом, не смотря на обширную, а порой противоречивую судебную практику, исследуемый вопрос остается актуальным.

Рассмотрим, какие обстоятельства должны устанавливаться судами по данной категории дел.

Первым существенным обстоятельством подлежащим установлению в гражданском процессе, является факт причинения вреда (в том числе, повлекшего смерть потерпевшей стороны). Необходимо учитывать, что в ряде случаев, в соответствии с п.

4 ст. 61 ГПК РФ вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу будет обязательен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор суда, по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Так, например, судом по уголовному делу может быть установлено, что сотрудник ОВД совершил ДТП и вследствие чего причинил тяжкий вред здоровью по неосторожности, повлекший смерть (ст. 264 УК РФ), вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

В указанной ситуации важно обратить внимание, будет ли потерпевший заявлять требование о признании его гражданским истцом в рамках уго-

ловного производства, соответственно заявлять гражданский иск о компенсации морального вреда в отношении органов внутренних дел, либо их сотрудника. Данный вопрос очень важен с точки зрения потенциально возможной смерти потерпевшего вследствие полученного вреда при ДТП.

В соответствии же с п. 1 ст. 44 ГПК РФ в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Правопреемство возможно на любой стадии гражданского судопроизводства.

П. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» указывает, что: «учитывая, что причинение вреда жизни или здоровью гражданина умаляет его личные нематериальные блага, влечет физические или нравственные страдания, потерпевший, наряду с возмещением причиненного ему имущественного вреда, имеет право на компенсацию морального вреда при условии наличия вины причинителя вреда...

При этом суду следует иметь в виду, что, поскольку потерпевший в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях испытывает физические или нравственные страдания, факт причинения ему морального вреда предполагается. Установление в данном случае подлежит лишь размер компенсации морального вреда»¹.

То есть, в случае причинения вреда жизни и здоровью гражданина, факт причинения ему морального вреда предполагается, но это не будет означать, что его родственники обладают правом на «безусловную» компенсацию морального вреда.

В обоснование своей правовой позиции поясним, что в основу решения суда должны быть положены следующие нормы материального права: ст.ст. 150, 151, 1064 ГК РФ. Вместе с тем, помимо общих оснований, при разрешении вопроса о наличии оснований компенсации морального вреда, суду следует руководствоваться ст. 1100 ГК РФ.

Таким образом, в судебном заседании должно быть установлено, каким образом действия ОВД или его сотрудника в отношении потерпевшего явились посягательством на нематериальные блага его родственников, а также какие именно или какое именно из перечисленных в п. 1 ст. 150 ГК РФ нематериальное благо было затронуто.

Действительно, следует обратить внимание на тот факт, что вред жизни и здоровью родственникам, заявляющим требования о компенсации морального вреда, не причинялся ни ОВД, ни его сотрудником.

Следует констатировать, что судами первой инстанции в мотивировочной части решения систематически указывается, что причинение тяжкого вреда здоровью близкого родственника само по себе является обстоятельством, нарушающим психическое благополучие родственников и членов семьи, а также неимущественное право на родственные и семейные связи, безусловно, является тяжелейшим событием в жизни, неоспоримо причиняющим нравственные страдания.

Вместе с тем, в соответствии с п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» при рассмотрении дел о компенсации морального вреда в связи со смертью потерпевшего иным лицам, в частности членам его семьи, иждивенцам, суду необходимо учитывать обстоятельства, свидетельствующие о причинении именно этим лицам физических или нравственных страданий... Наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда.

Таким образом, следует указать, что позиция зачастую занимаемая судами, о том что причинение тяжкого вреда здоровью близкого родственника само по себе является обстоятельством неоспоримо причинившим нравственные страдания по своей сути противоречит позиции Пленума Верховного Суда РФ о том, что «наличие факта родственных отношений само по себе не является достаточным основанием для компенсации морального вреда».

Следовательно, компенсация морального вреда родственникам потерпевшего вследствие ДТП возможна, при наличии физических и нравственных страданий последних, которые должны быть подтверждены, а судом должно быть установлено: при каких обстоятельствах, и какими действиями (бездействиями) физические и нравственные страдания нанесены, степень вины Ответчика, причинно-следственная связь между нравственными, физическими страданиями и последствиями.

Из изложенного следует, что деликтное обязательство, возникшее вследствие ДТП и причинения сотрудником органов внутренних дел вреда лицу (потерпевшему), подразумевает наличие факта причинения морального вреда последнему, но не его родственникам.

Библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.06.2017) СЗ РФ 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // опубликован на Официальном ин-

тернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 28.03.2017

3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 28.03.2017

4. *Постановление* Правительства РФ от 12.11.2012 N 1156 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ, 19.11.2012, N 47, ст. 6505.

5. *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданско-

данского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // «Российская газета», N 24, 05.02.2010

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // «Российская газета», N 24, 05.02.2010

THE CONCEPT AND STAGES OF CONTRACTUAL WORK

ПОНЯТИЕ И СТАДИИ ДОГОВОРНОЙ РАБОТЫ

Irina Viacheslavovna DZHABUA,

candidate of legal sciences

senior lecturer of civil and labor law, civil process

Moscow university of the Ministry of Internal Affairs of Russia

V. Ja. Kikot

Ирина Вячеславовна ДЖАБУА,

кандидат юридических наук,

старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права,

гражданского процесса МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя

E-mail: irina-prof@rambler.ru

Научная специальность: 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Annotation. In this article the questions devoted to the organization of contractual work, including in the interior Ministry of Russia. Details the objectives, principles and main stages of contractual work. The main directions of legal work in the Ministry of interior of Russia.

Keywords. Contract work, contract, principles, stages, stages of contractual work, rule of law, freedom of contract, maintenance agreement, performance of the contract

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются вопросы, посвященные организации договорной работы, в том числе в системе МВД России. Подробно раскрываются цели, принципы и основные стадии договорной работы. Определяются основные направления договорно-правовой работы в системе МВД России.

Ключевые слова. Договорная работа, договор, принципы, стадии, этапы договорной работы, законность, свобода договора, сопровождение договора, исполнение договора

Грамотно организованная договорная работа является залогом надежного партнерского взаимодействия и гарантией надлежащей защиты прав и законных интересов каждой стороны договора.

Договорная работа может осуществляться как физическими, так и юридическими лицами, поскольку и те и другие вольны вступать в любые договорные отношения, однако наибольший интерес представляет анализ договорной работы организа-

ций, поскольку именно она требует согласованных и последовательных действий широкого круга заинтересованных лиц.

Под договорной работой следует понимать систему последовательных взаимосогласованных действий, направленных на установление, изменение или прекращение договорных связей (заключение договоров), контроль исполнения договоров, а также защиту прав и законных интересов стороны договора в случае нарушения последнего.

Цель договорной работы состоит, в первую очередь, в надлежащем юридическом оформлении экономических взаимоотношений участников гражданского оборота, с тем чтобы:

- максимально учесть в договоре не противоречащие закону интересы (как правило, экономические) стороны договора;
- заранее обеспечить возможность надлежащей защиты прав и законных интересов стороны договора в случае его нарушения контрагентом или наступления иных неблагоприятных для стороны договора обстоятельств (например, обстоятельств непреодолимой силы);
- минимизировать риски имущественных потерь стороны договора, вызванных его неисполнением или ненадлежащим исполнением.

Кроме того, договорная работа направлена и на поддержание должной договорной дисциплины в отношениях сторон, а также непосредственно на защиту нарушенных прав потерпевшей стороны договора.

В органах внутренних дел организация договорной работы строится в соответствии с Наставлением по организации правовой работы в системе МВД России, утвержденным приказом МВД России от 05.01.2007 г. № 6 (далее – Наставление).

Наставлением определено, что договорно-правовая работа в системе МВД России направлена на заключение письменных соглашений об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Основными направлениями договорно-правовой работы в системе МВД России определены следующие:

1. Выявление потребностей в заключении договоров органом (подразделением) на поставки товаров (выполнение работ, оказание услуг);
2. Разработка проектов конкурсной документации и договоров;
3. Согласование и заключение договоров в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;
4. Контроль исполнения договоров и при необходимости ведение претензионной работы.

Все вышеназванные направления реализуются на отдельных стадиях договорной работы, речь о которых пойдет позднее.

Ведение договорной работы строится на основополагающих началах – принципах, таких как:

1. Принцип законности как общеправовой принцип, требующий неукоснительного соблюдения закона в любой сфере деятельности, включая договорную работу: все заключаемые договоры должны соответствовать закону и иным правовым актам (ст. 422 ГК РФ). В противном случае возникает риск признания такого договора недействительной сделкой, не влекущей желаемых сторонами правовых последствий.

2. Принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), провозглашающий диспозитивные начала договорной работы: стороны свободны в принятии решения о заключении того или иного договора¹, в выборе вида заключаемого договора, в определении его условий; при этом ограничение этой свободы (исключения из принципа свободы договора) допускается по основаниям, названным в законе – это либо прямое указание в законе, либо ранее принятое сторонами обязательство по заключению договора в будущем (предварительный договор).

3. Принцип добросовестности, выраженный в виде законодательной презумпции (п. 5 ст. 10 ГК РФ): добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, пока не доказано обратное. С практической точки зрения этот принцип требует от сторон надлежащего исполнения договора без злоупотребления имеющимися правами.

4. Принцип разумности, взаимосвязанный с принципом добросовестности и неоднократно упоминаемый по тексту ГК РФ (ст.ст. 10, 314, 345, 375, 397 и т. д.), достаточно часто встречается именно в договорных отношениях: при отсутствии срока исполнения обязательства оно подлежит исполнению в разумный срок, при отсутствии в договоре согласованной цены товар подлежит оплате по обычной (то есть по сути – разумной) цене.

5. Принцип разделения обязанностей в сфере договорной работы, в соответствии с которым в компетенцию каждого из ее участников входит строго определенный объем прав и обязанностей, не пересекающийся с компетенцией других участников.

Поскольку, как было отмечено выше, договорная работа являет собой ряд последовательных взаимосвязанных действий, в зависимости от характера и направленности этих действий принято выделять стадии или этапы договорной работы.

Каждая из стадий преследует свою собственную цель и ставит конкретные, присущие только ей задачи, которые в совокупности служат достижению общей цели договорной работы.

Договорная работа в своем развитии проходит, как правило, все стадии последовательно, за некоторыми исключениями, о которых будет сказано ниже.

Первая стадия договорной работы состоит в выявлении потребности в заключении гражданско-правового договора и определении системы планируемых договорных связей.

Сама по себе потребность в заключении договора формируется под воздействием целого ряда факторов как объективного, так и субъективного характера. Например, потребность в заключении договора на техническое обслуживание автомобильного парка вызвано обязанностью собственника нести бремя содержания своего имущества – поддерживать автомобильный транспорт в надлежащем техническом состоянии. В то же время заключение договора на ресторанное обслуживание корпора-

тивной вечеринки может быть обусловлено исключительно пожеланиями коллектива и руководства организации.

Выявление потребности в заключении договора обычно возлагается на заинтересованное подразделение организации. Это может быть отдел материально-технического обеспечения (снабжения), транспортный отдел, производственно-технический отдел и др. Если, например, из-за упущения отдела снабжения организация останется без расходных материалов для копировальной техники, то логично, что ответственность за это будет возложена на сотрудников данного отдела ввиду несвоевременного выявления необходимости закупки.

Локальным актом организации может быть закреплён порядок инициирования заинтересованным подразделением процесса заключения договора: в негосударственных организациях этот процесс может быть запущен по решению ответственного сотрудника или руководителя заинтересованного подразделения, в то время как в организациях, основанных на государственной и муниципальной формах собственности, такой процесс начинается только по решению руководителя самой организации.

Нередко заключение только лишь одного отдельного договора не способно удовлетворить потребности организации и приобретает актуальность вопрос и построении целой системы взаимосвязанных договорных связей, объединённых общей целью. Типичным примером может выступить связь двух договоров – основного и обеспечительного (договоры залога, поручительства и т.д.), однако могут вырисовываться и более сложные договорные схемы. Стадия завершается подготовкой справки-обоснования, плана договорной работы и схемы планируемых договорных связей.

Вторая стадия договорной работы состоит в поиске и выборе потенциальных контрагентов, т.е. лиц, с которыми в дальнейшем планируется заключение договора, а также по их проверке.

Важность рассматриваемой стадии усиливается тем, что действующее гражданское законодательство возлагает все риски за подбор добросовестного и право- и дееспособного партнера именно на заинтересованное лицо. Так, например, первоначально именно оно претерпит негативные последствия заключения и исполнения договора с несуществующей организацией, поскольку все сведения о зарегистрированных юридических лицах и их единоличных исполнительных органах являются открытыми и предоставляются всем желающим за умеренную плату. На данной стадии выявляются особенности заключения договоров органами государственной власти и местного самоуправления, а также иными субъектами, подпадающими под действие федерального законодательства о закупках товаров, выполнении работ и оказании услуг для государственных и муниципальных нужд.

Завершается вторая стадия принятием решения о заключении договора с конкретным лицом.

Третья стадия заключается непосредственно в подготовке проекта договора либо проверке поступившего от потенциального контрагента проекта договора с последующим устранением имеющихся разногласий. На данной стадии проводятся преддоговорные переговоры, составляются протоколы разногласий, правовые заключения по проектам договоров. На этой же стадии происходит «визирование», т.е. внутриорганизационное согласование проекта договора.

Третья стадия завершается заключением договора с соблюдением надлежащей его формы и правил оформления договорной документации, а также его учетом (внутриорганизационной регистрацией).

Суть четвертой стадии состоит в сопровождении договора, которое представляет собой внутренний и внешний контроль его исполнения со своевременным реагированием на отклонения от согласованных условий и изменение значимых для сторон обстоятельств. На данном этапе могут быть выявлены нарушения договорной дисциплины, допущенные любой из сторон: нарушение сроков поставки, выполнения работ или оказания услуг, несоблюдение требований договора о количестве и качестве товара и т.п. Оперативное устранение выявленных нарушений позволит в большинстве случаев избежать перехода к следующей, пятой стадии договорной работы. На этой стадии при необходимости могут также вноситься корректировки в действующий договор, как правило, путем заключения дополнительных соглашений к нему.

Четвертая стадия завершается в момент окончания исполнения обязательств по договору.

Пятая стадия договорной работы связана с формальными процедурами рассмотрения и разрешения споров, вытекающих из договоров. Гражданское законодательство (ст. 11 ГК РФ) отдает приоритет судебной форме защиты нарушенных прав, однако при рассмотрении и разрешении возникшего спора судом, как правило, одна из сторон (проигравшая) всегда остается неудовлетворенной, в связи с чем досудебное урегулирование конфликтов представляется оптимальным. Внесудебное разрешение споров может происходить в ходе переговоров, специальных процедур (медиации)², а также в претензионном порядке (направление досудебной письменной претензии стороне-нарушителю договора).

Шестая стадия договорной работы именуется «закрытием» договора, под которым следует понимать оформление первичной документации, подтверждающей исполнение обязательств по договору. От корректности оформления накладных, актов выполненных работ (оказанных услуг), актов сверок и прочих первичных документов во многом зависит судьба потенциального судебного спора,

вытекающего из договора. Если поставщик передал товар покупателю без соответствующего документального подтверждения, то доказать потом, что поставка товара в действительности состоялась, может оказаться затруднительным. Отсутствие первичных документов может повлечь и негативные последствия налогового характера, поскольку учет хозяйственных операций в целях налогообложения ведется именно на их основе.

На практике не всегда «закрытие» договора означает его надлежащее исполнение: договор может прекратиться и вследствие допустимого одностороннего отказа от его исполнения, и по соглашению сторон, и путем новации, а также по иным основаниям, предусмотренным гражданским законодательством (ст. 407 ГК РФ).

Шестая стадия завершается подведением итогов исполнения договора, которые в последующем учитываются при планировании договорной работы и заключении новых договоров. Так, например, в ходе исполнения договора выяснилось, что какое-либо из его условий оказалось недостаточно конкретным либо не отвечающим интересам стороны договора,

в связи с чем при перезаключении договора требуется его корректировка.

Подводя итог рассмотрению стадий договорной работы, хотелось бы отметить, что несмотря на кажущуюся однообразность и повторяемость стадии договорной работы каждый раз могут наполняться новым содержанием, требующим адекватного реагирования ответственного лица. Так, например, процесс корректировки и согласования одного и того же проекта договора с разными потенциальными контрагентами сам по себе имеет творческий характер, поскольку каждый из них предъявляет к будущему договору свои индивидуальные требования и пожелания.

¹Л.В. Щербачева «Публичные договоры и договоры присоединения в гражданском законодательстве», Вестник Московского университета МВД России, 2010, №7, стр.168-172.

² Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»

PRIVATE AND PUBLIC INTERESTS IN THE LEGAL FIELD IN THE IMPLEMENTATION OF THE RENOVATION OF THE RESIDENTIAL FUND IN THE CITY OF MOSCOW

ЧАСТНЫЕ И ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕНОВАЦИИ ЖИЛОГО ФОНДА В ГОРОДЕ МОСКВА

Pavel Igorevich ZHURILO,
graduate student of Moscow University
of the Ministry of internal Affairs
of the Russian Federation named after V. Ja. Kikot

Павел Игоревич ЖУРИЛО,
адъюнкт Московского университета
Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя
Email: zhurilo-pavel@mail.ru

Annotation. This article is devoted to the study of a new phenomenon - the legal mechanism for the development of urban areas - the renovation of housing stock from the angle of correlation of private and public interests, as well as ensuring the constitutional right of citizens to housing. The author considers the existing ways to update the emergency housing, as well as the peculiarities peculiar to the city of federal significance Moscow. The legal status of the Moscow Housing Renovation Foundation is analyzed. The issue of sufficiency of the proposed legal mechanism for observing the constitutional right to housing in connection with eviction is being raised.

Keywords: property rights, renovation, the Moscow Foundation for the Renovation of Residential Buildings

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению нового явления – правового механизма развития городских территорий - реновации жилищного фонда с ракурса соотношения частных и публичных интересов, а так же обеспечения конституционно права граждан на жилище. Автор рассматривает уже существующие способы обновления аварийного жилья, а так же особенности, свойственные городу федерального значения Москва. Анализируется правовое положение Московского фонда реновации жилой застройки. Поднимается вопрос о достаточности предложенного правового механизма соблюдения конституционного права на жилище в связи с выселением.

Ключевые слова: право собственности, реновация, Московский фонд реновации жилой застройки

Гражданское право

Конституция Российской Федерации¹ в статьях 25 и 40 прямо указывает на то, что каждый имеет право на жилище и оно неприкосновенно. На этих и многих других нормах (в том числе Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) базируется правовой статус жилых помещений, находящихся в собственности граждан Российской Федерации.

Американским социологом Абрахамом Маслоу еще в 1943 году, в труде «Теория человеческой мотивации» среди базисных, в иерархии ключевых потребностей человека, находится потребность в жилище. Согласно его исследованиям данная потребность является постоянной и не меняется².

Как бремя содержание имущества в собственности обновление жилого помещения, в связи его обветшанием и разрушением - есть обязанность собственника. Статья 210 ГК РФ прямо указывает на это, однако, в большинстве случаев реконструкция многоквартирного дома экономически нецелесообразна и собственники жилых помещений не в состоянии собственными силами и средствами осуществить тот комплекс мероприятий, который необходимо выполнить для приведения многоквартирного дома в соответствие с техническими требованиями. Так с течением времени у собственников жилых помещений, возникает совершенно обоснованный интерес к улучшению жилых условий, но обязанность самим их улучшать – не исчезает, а корреспонди-

рует его интерес, но, в большинстве случаев, не выполняется.

Законодательство Российской Федерации уже знает примеры улучшения жилищных условий граждан «за счет» муниципальных и государственных органов. Так, в п.10 статьи 32 ЖК РФ предусматривает возможность выселения граждан из аварийных многоквартирных домов с дальнейшим возмещением в связи с утраченной собственностью. Так, согласно п. 6, 7 ст. 32 ЖК РФ взамен своего жилого помещения собственник имеет право на:

- Возмещение в денежной форме;
- Другое жилое помещение с зачетом его стоимости в выкупную цену.

Данная позиция поддерживается и раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»³. В п.22 указанного Постановления, при определении нормы права, подлежащей применению при разрешении спора, на основании части 1 статьи 7 ЖК РФ по аналогии к правоотношениям следует применять положения части 10 статьи 32 ЖК РФ об изъятии жилого помещения у собственника.

Анализируя вышеизложенное, мы наглядно видим столкновение и взаимное разрешение интересов частных и публичных: заинтересованности собственников в восстановлении принадлежащего им имущества и нужд муниципальных и государственных, заключающихся в том, чтобы на территории муниципального образования не было жилого дома, не позволяющего обеспечить безопасность жизни и здоровья граждан.

Из указанных норм довольно отчетливо видно, что еще с 2006 года принимались меры по изъятию, с согласия собственника аварийного и подлежащего сносу жилья. Помимо этого в развитие данных норм, в ряде субъектов Российской Федерации проводились программы переселения жильцов из аварийного жилья. В процессе передачи имущества, нередко, возникали спорные ситуации, однако, в подавляющем большинстве случаев они разрешались. Об этом свидетельствует сложившаяся судебная практика (Решение по делу 2-2216/2017 ~ М-2048/2017 Жигулевский городской суд (Самарская область), Решение по делу 33-7216/2017 Верховный Суд Республики Коми (Республика Коми) и пр.).

Однако, не смотря на это, на сегодняшний день проблема увеличения количества ветхого и аварийного жилья в городе Москва привела к весьма радикальным мерам – принятию 1 июля 2017 года Федерального закона № 141 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установле-

ния особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве»⁴ (далее «141-ФЗ» и ФЗ «О статусе столицы РФ»). Принятие указанного нормативно-правового акта ознаменовало начало действия программы реновации жилищного фонда, а так же к активной полемике в юридических кругах.

В своей статье «О некоторых проблемах правового регулирования реновации в городе Москве» Т.М. Дауди указал на несовершенство при использовании иностранного термина «реновация»⁵. Реновация, согласно словарю-справочнику⁶, есть экономический процесс замещения выбывающих и производства, вследствие физического и морального износа машин, оборудования, инструмента новыми основными средствами за счет средств амортизационного фонда. В это же время 141-ФЗ в статье 1 (ст.4 ФЗ «О статусе столицы РФ») определяет, что реновация - совокупность мероприятий, выполняемых в соответствии с программой реновации жилищного фонда в городе Москве, направленных на обновление среды жизнедеятельности и создание благоприятных условий проживания граждан, общественного пространства в целях предотвращения роста аварийного жилищного фонда в городе Москве, обеспечения развития жилых территорий и их благоустройства. Сущность явления данный термин, на наш взгляд, передает в полной мере, а значит его использование вполне обоснованно.

Стоит отметить и то, что подобные программы обновления жилого фонда не являются чем-то новым. За рубежом это называется redevelopment (англ. – «перестройка») явление, широко распространенное в мире, позволяющее оптимизировать городскую застройку, путем преобразования объектов недвижимости в новых видах пользования⁷.

Первое, на что обратили внимание исследователи это способ появления введения указанной программы. Как указывалось ранее, в субъектах Российской Федерации обновление жилого фонда производилось в рамках муниципального образования, региона и регулировалась муниципальными и региональными программами соответственно, которые в свою очередь, по большей части являлись решениями «местных» властей.

В случае с Москвой подготовлен Федеральный закон. Учитывая специфику города Москвы, как города федерального значения, возможно, это и оправданно. Но, не смотря на это до сих пор вопрос остается спорным, ввиду того, что указанным нормативно-правовым актом вводятся ряд исключений из действующих федеральных законов. В частности, статья 1 141-ФЗ (ст.7.6. ФЗ «О статусе столицы РФ») устанавливает возможность обременения земельным сервитутом в дополнение к действующему

законодательству, а так же (ст.7.7. ФЗ «О статусе столицы РФ») определяет особый статус для Московского фонда реновации жилой застройки.

Помимо этого немаловажным становится дискуссионный вопрос о понятии «равнозначного жилого помещения». Статья 7.3. ФЗ «О статусе столицы РФ» определяет, что равнозначное жилое помещение должно одновременно отвечать двум требованиям:

1. жилая площадь и количество комнат в таком жилом помещении не меньше жилой площади и количества комнат в освобождаемом жилом помещении, а общая площадь такого жилого помещения превышает общую площадь освобождаемого жилого помещения;

2. жилое помещение соответствует стандартам благоустройства, установленным законодательством города Москвы, а также имеет улучшенную отделку в соответствии с требованиями, установленными нормативным правовым актом города Москвы;

3. жилое помещение находится в многоквартирном доме, который расположен в том же районе города Москвы, в котором расположен многоквартирный дом, включенный в программу реновации (искл. Зеленоградский, Троицкий или Новомосковский административные округа города Москвы).

Анализируя указанные нормы нельзя согласиться со справедливым указанием критериев оценки. Учитывая специфику города федерального значения Москвы необходимо использовать больший набор критериев, нежели отнесение к району города Москвы, площадь, количество комнат и отделка. На сегодняшний день определяющими являются удаленность от ключевых объектов инфраструктуры (детский сад, школа, больницы, магазины, метро), тип и планировка дома и даже этажность.

Остается только предполагать, считать ли равнозначными квартиру рядом с метро и парком с квартирой с видом на МКАД (Московская кольцевая автомобильная дорога).

Спорными остаются и вопросы предоставления квартир в который жилая площадь и количество комнат не меньше тех, что были у собственника ранее. Хотя в дальнейшем п.23 ст.7.3. ФЗ «О статусе столицы РФ» устанавливается, что собственники жилых помещений и наниматели жилых помещений в многоквартирных домах, включенных в программу реновации, которым предоставляются в собственность равнозначные жилые помещения, вправе по письменному заявлению приобрести за доплату жилые помещения большей площади и (или) жилые помещения, имеющие большее количество комнат, чем предоставляемые им равнозначные жилые

помещения, все же наблюдается коррупционная составляющая, позволяющая недобросовестным должностным лицам, используя служебное положение и корыстный интерес передать в собственность помещение большее, чем было у собственника раньше, при этом, формально, требования о равнозначности будут соблюдены.

За завесой обновления жилищного фонда многие исследователи видят появление крупнейшего гиганта в строительной сфере, позволяющего в полной мере использовать законодательные послабления для строительства. Так, Московский фонд реновации жилой застройки – унитарная некоммерческая организация, имеющая 100 процентное государственное участие, составит серьезную конкуренцию уже существующим застройщикам. Такое столкновение интересов частных капиталов с бюджетом Москвы способно привести к монополизации строительства в регионе в руках государственного застройщика. Каковы далекие последствия такой монополизации – остается только гадать.

Анализ норм законодательства в теории значительно отличается от анализа практики их применения. На сегодняшний день перед нами довольно перспективный нормативно-правовой акт, способный основательно улучшить жилищные условия сотен тысяч москвичей. Немаловажно и то, что положительная практика его применения способна стать базисом для применения механизмов обновления жилого фонда по все стране.

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г.

² Теория человеческой мотивации // Журнал: Psychology Review . № 6 июль. 1934. с. 370-396.

³ О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02 июля 2009 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 9. 2009.

⁴ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей регулирования отдельных правоотношений в целях реновации жилищного фонда в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве: Федеральный закон от 01 июля 2017 № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 27. ст. 3938.

⁵ Дауди Т.М. О некоторых проблемах правового регулирования реновации в городе Москве : статья // Закон и право. №9. 2017. с. 39-41

⁶ Экономика и право: словарь-справочник // М.: Вуз и школа. Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. 2004.

⁷ Коновальчикова С.С. Реновация жилищного фонда: опыт России и Германии : статья // Градостроительное право. №2. 2017. с.35-37.

ON THE ADMISSIBILITY OF THE IDENTIFICATION OF THE TERMS «MONEY» AND «CURRENCY» IN CIVIL LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

О ДОПУСТИМОСТИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ТЕРМИНОВ «ДЕНЬГИ» И «ВАЛЮТА» В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Julia Petrovna KALINCHENKO,

Lecturer of public and civil law disciplines of the
Moscow regional branch of the Moscow University of the
Russian Interior Ministry to them. V. Ya. Kikotja

Юлия Петровна КАЛИНЧЕНКО,

преподаватель кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин
Московского областного филиала
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: yukka.02@yandex.ru

Annotation. The article substantiates the judgment on the inadmissibility of equating the terms «money» and «currency» in the civil legislation of the Russian Federation, in particular in the Civil code of the Russian Federation (Part one), and formulated some conclusions: special regulatory legal act, designed to regulate social relations associated with currency and money, is the Federal law of the Russian Federation «On currency regulation and currency control» dated November 21, 2003; approved article 140 of the civil code (Part one) the identification of the terms «money» and «currency» are required to recognize illegal; the Federal law of the Russian Federation «On currency regulation and currency control» dated November 21, 2003 sufficient operation of the term «currency» which can be subdivided into two varieties: the Russian Federation currency and the currency of foreign States; in the RF civil code (Part one) provisions regarding exclusively the currency must be blank; the subject of civil rights may be exclusively currency.

Keywords: The Russian Federation, legislation, civil legislation, Civil code of the Russian Federation (Part one), «money», «currency», the Federal law of the Russian Federation «On currency regulation and currency control» dated November 21, 2003, comprehensive enforcement

Аннотация. в статье обосновано суждение о недопустимости отождествления терминов «деньги» и «валюта» в гражданском законодательстве Российской Федерации, в частности в Гражданском кодексе РФ (Часть первая), а также сформулировано несколько выводов: специальным нормативным правовым актом, предназначенным для регулирования общественных отношений сопряженных с валютой и деньгами, является Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 21 ноября 2003 г.; допущенное в статье 140 ГК РФ (Часть первая) отождествление терминов «деньги» и «валюта» необходимо признать неправомерным; в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле» от 21 ноября 2003 г. достаточно оперирование термином «валюта», которая может быть подразделена на две разновидности: валюта Российской Федерации и валюта иностранных государств; в ГК РФ (Часть первая) положения относительно исключительно валюты должны быть бланкетными; объектом гражданских прав может быть исключительно валюта.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, гражданское законодательство, Гражданский кодекс РФ (Часть первая), «деньги», «валюта», Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 21 ноября 2003 г., комплексное правоприменение

Предметом данной статьи является соотношение терминов «деньги» и «валюта», используемых в разных отраслях законодательства Российской Федерации¹. Фактически речь идет о двух отраслях законодательства: валютном² и гражданском.

Относительно понятия «гражданское законодательство» в юридической науке отсутствует единообразный подход. Представляются убедительными суждения О.А. Старовойтовой: «недопустимо отождествление терминов «гражданское право» и «граж-

данское законодательство»; «термин «гражданское право» можно использовать только в одном значении – это отрасль права»; «термин «гражданское законодательства» можно использовать только в одном значении – это отрасль законодательства»; «под гражданским законодательством необходимо понимать совокупность нормативных правовых актов, предназначенных для регулирования гражданских общественных отношений»³.

В этом же контексте рассматриваем и аналогичные суждения иных ученых (В.Н. Галузо, С.Л. Никонович, Н.Д. Эриашвили и др.)⁴.

Несовершенство результатов научных изысканий относительно определения понятия «отрасль законодательства» и установления их исчерпывающего перечня в той или иной мере отражается и на процессе определения отдельных ключевых понятий (например, «деньги», «валюта» и др.).

Так, в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле» от 21 ноября 2003 г.⁵ в части 1 ст. 1 обнаруживаем следующие «основные понятия»: «1) валюта Российской Федерации: а) денежные знаки в виде банкнот и монеты Банка России, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории Российской Федерации, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах; 2) иностранная валюта: а) денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах; 3) внутренние ценные бумаги: а) эмиссионные ценные бумаги, номинальная стоимость которых указана в валюте Российской Федерации и выпуск которых зарегистрирован в Российской Федерации; б) иные ценные бумаги, удостоверяющие право на получение валюты Российской Федерации, выпущенные на территории Российской Федерации; 4) внешние ценные бумаги - ценные бумаги, в том числе в бездокументарной форме, не относящиеся в соответствии с настоящим Федеральным законом к внутренним ценным бумагам; 5) валютные ценности - иностранная валюта и внешние ценные бумаги; ...».

В статье 140 ГК РФ (Часть первая от 21 октября 1994 г.⁶, введена в действие с 1 января 1995 г.⁷) закреплено следующее положение: «1. Рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации. Платежи на террито-

рии Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов. 2. Случаи, порядок и условия использования иностранной валюты на территории Российской Федерации определяются законом или в установленном им порядке». Название избранной статьи - «Деньги (валюта)». Иначе говоря, в ГК РФ (Часть первая) в ее статье 140 фактически допущено отождествление терминов «деньги» и «валюта». Также неопределенность присуща и еще одной статье 141 («Валютные ценности») ГК РФ (Часть первая): «Виды имущества, признаваемого валютными ценностями, и порядок совершения сделок с ними определяются законом о валютном регулировании и валютном контроле. Права на валютные ценности защищаются в Российской Федерации на общих основаниях». Правда, в статье 141 имеется бланкетная норма, предполагающая обращение к иному нормативному правовому акту, по юридической силе приравняемому к федеральному закону⁸: Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 21 ноября 2003 г. При этом в ГК РФ (Часть первая) деньги (валюта) включены в перечень «объектов гражданских прав»: «К объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги (выделены нами – Ю.К.) и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага» - статья 128 ГК РФ.

В комментариях к статьям 128-141 ГК РФ (Часть первая), как правило, на правомерность отождествления терминов «деньги» и «валюта» внимание не обращается⁹.

Таким образом, в ГК РФ (Часть первая) допущено неправомерное отождествление двух понятий «деньги» и «валюта». Содержание данных понятий должно быть определено в ином нормативном правовом акте с равной юридической силой – Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле». Причем целесообразно оперирование исключительно термином «валюта».

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, специальным нормативным правовым актом, предназначенным для регулирования общественных отношений сопряженных с валютой и деньгами, является Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 21 октября 2003 г.

Во-вторых, допущенное в статье 140 ГК РФ (Часть первая) отождествление терминов «деньги» и «валюта» необходимо признать неправомерным.

В-третьих, в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле» от 21

ноября 2003 г. достаточно оперирование термином «валюта», которая может быть подразделена на две разновидности: валюта Российской Федерации и валюта иностранных государств.

В-четвертых, в ГК РФ (Часть первая) положения относительно исключительно валюты должны быть бланкетными.

В-пятых, объектом гражданских прав может быть исключительно валюта.

начала в уголовном праве: Международная научно-практическая конференция 22 ноября 2013 года / Отв. ред. Б.В. Яцеленко. М.: РПА Минюста России, 2014. С. 99-104; Галузо В.Н. «Уголовный закон» или «уголовное законодательство» в Российской Федерации: проблема соотношения терминов / Актуальные проблемы современной науки. Секция «Право и правоприменение»: Сборник материалов международной научно-практической конференции, 23 мая 2014 г. / Науч. ред. С.Л. Никонович. Тамбов-Липецк: Изд-во Першина Р.В., 2014. С. 74-78; Галузо В.Н., Никонович С.Л. Уголовное законодательство в системе законодательства Российской Федерации / Актуальные проблемы уголовного законодательства на современном этапе: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Волгоград, 14-15 мая 2015 г. / Отв. ред. В.И. Третьяков. Краснослободск (Волгоградская область): ИП Головченко Е.А., 2015. С. 117-123.

⁵ См.: СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859; ...; 2017. № 30. Ст. 4456.

⁶ См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; ...; 2017. № 31 (часть I). Ст. 4808.

⁷ См.: О введении в действие Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 21.10.1994 г. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

⁸ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30; он же: Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30.

⁹ См. об этом, например: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 1. Части I, II ГК РФ / Под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 162-172; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / Под ред. С.А. Степанова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2018. С. 184-196.

¹ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

² О валютном законодательстве см., например: Валютное законодательство / Сост. Н.Т. Шалашова. М.: Интел-синтез, 1998; Добрецов Г.Б. Валютное законодательство: некоторые практические вопросы. Красноярск: Буква, 2000; Грявняк Н.С. Валютное законодательство (его роль и значение в таможенной деятельности): Монография. М.: Юстиция, 2016.

³ Староверова О.В. О соотношении терминов «гражданское право» и «гражданское законодательство» в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 217-218.

⁴ См. об этом, например: Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. О системе уголовно-процессуального законодательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД РФ. 2012. № 2. С. 80-82; Галузо В.Н. О системе уголовного законодательства в Российской Федерации / Конвенционные

FEATURES OF PROTECTION OF MINORS IN THE INHERITANCE LAW OF RUSSIA

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Irina Georgievna KRYSANOVA-KIRSANOVA,
lecturer civil and labour law,
civil procedure, Moscow University of the MIA of Russia
candidate of legal Sciences

Ирина Георгиевна КРЫСАНОВА-КИРСАНОВА,
преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса, Московского университета МВД России
кандидат юридических наук,
E-mail: gajde@mail.ru

Annotation. Discusses the main challenges of implementing minors' rights arising from the inheritance, as well as the possible directions of legislation improvement in the sphere of ensuring the right to accept the inheritance of minors and young persons from legal representatives and bodies of guardianship and guardianship.

Keywords: rights of minors; enter into the inheritance; guardianship and guardianship; legal representatives

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы реализации прав несовершеннолетних, возникающие при наследовании, а так же возможные направления совершенствования законодательства в сфере обеспечения права на принятие наследства несовершеннолетними и малолетними лицами со стороны законных представителей и органов опеки и попечительства.

Ключевые слова: права несовершеннолетних; вступление в наследство; органы опеки и попечительства; законные представители

Право наследования гарантируется Конституцией Российской Федерации (ст. 64), что составляет основу правового статуса личности в Российской Федерации. Наряду с этим, право наследования является единственным гражданско-правовым институтом, которому предоставлена гарантия. Таким образом, наделение права наследования гарантией ставит его на один уровень с другими правами и свободами, которым Конституцией дается гарантия. Следует отметить, что предметом гарантии являются права и свободы, играющие в Конституции ключевую роль. Рассматривая нормы отечественного законодательства можно отметить, что большое внимание уделяется правам несовершеннолетних детей, которые независимо от возраста могут быть как возможными, так и реальными наследниками. Кроме того, на законодательном уровне гарантируются права nasciturусов (зачатых, но не родившихся наследников). Исходя из этого, наследодатель может завещать свое имущество как не родившимся детям, внукам и другим родственникам, что, несомненно, служит охраной прав ребенка, что в свою очередь порождает ряд проблем, связанных с реализацией этого права.

Представляется, что даже если законодателем учитываются права не родившихся детей, но зачатых при жизни наследодателя, не рассматривается вопрос о возможности признания законными наследниками тех детей, которые рождены из «биологического материала» наследодателя возникающие при осуществлении современных репродуктивных технологий. А также права на наследование отсутствует у ребенка, оставленного в родильном доме, ведь для того, чтобы отказаться достаточно только заявления матери, а наследником он мог являться, например, своего отца.

Дискуссионным является вопрос о возможности несовершеннолетних лиц выступать в роли наследодателей. В соответствии с нормами ныне действующего законодательства возможность завещать свое имущество предоставлена только полностью дееспособным лицам. Следовательно, несовершеннолетний не может распоряжаться таким образом в отношении своих доходов. Опираясь на высказывание Б.С. Антимонова и К.А. Граве, которые придерживались позиции возможности составления завещания несовершеннолетними лицами, достигшими возраста от 14 до 18 лет, если данное завещание в

отношении доходов, представляющих собой заработок несовершеннолетнего¹. Такая позиция объяснялась тем, что закон предусматривает право несовершеннолетнего свободно распоряжаться своим заработком, стипендией и иными доходами, то ограничение его распоряжаться своим имуществом при помощи завещания является незаконным.

На практике мы видим при обращении к нотариусу лица, не достигшего 14-летнего возраста, от его имени по общему правилу выступают его законные представители, а его фактическое присутствие является не обязательным. Если же лицо достигло 14-летнего возраста, его присутствие необходимо, но в тоже время обязательно и присутствие его законного представителя, с чьего согласия это несовершеннолетнее лицо и будет действовать. Поскольку эмоциональное и психическое состояние несовершеннолетних граждан крайне неустойчиво, они достаточно быстро поддаются влиянию взрослых, нотариусу необходимо более внимательно отнестись к предотвращению возможности давления на несовершеннолетнего.

Наследниками первой очереди наряду с родителями и супругами являются дети, а также усыновленные дети, дети от предыдущих браков, а также если установлен факт отцовства, то и дети, рожденные вне брака. Также наряду с наследниками первой очереди, могут быть наследниками, находившиеся не менее года на иждивении наследодателя, несовершеннолетние граждане, в порядке «живой» очереди наследования по закону, т.е. они наследуют вместе и наравне с наследниками призываемой к наследованию очереди. Кроме того, вправе рассчитывать на равную с другими наследниками долю наследственного имущества, но если они не входят в число наследников по закону, то необходимо установить факт совместного проживания с наследодателем не менее одного года. Также гарантией является обязательная доля, составляющая не менее половины доли, причитающейся им при наследовании по закону. Однако судебным решением обязательная доля может быть отменена или ее размер уменьшен, в связи с этим права несовершеннолетних подпадают под угрозу (п.4 ст. 1149 ГК РФ).

При отказе от наследства права несовершеннолетних и малолетних лиц также подлежат охране. Так, необходимо предварительно разрешение органа опеки и попечительства, для отказа от наследства, а от имени малолетнего лица сделку – отказ от наследства совершают родители, опекуны т.е. законные представители. Однако лицам, получившим полную дееспособность, в случае эмансипации, нет необходимости обращаться в органы опеки и попечительства за подобным разрешением.

Мы считаем, что при разделении наследства, в случае, если одним из наследников является несовершеннолетний, то органы опеки и попечительства

в обязательном порядке должны быть уведомлены о данном факте, обязанность уведомления должна быть возложена на нотариуса, который ведет наследственное дело. В случае рассмотрения такого дела в суде и несоблюдении требований об уведомлении органа опеки и попечительства, а равно и не привлечение его к участию в деле является основанием для отказа в рассмотрении.

Особое внимание необходимо обратить на участие законных представителей в обеспечении права на принятие наследства несовершеннолетними и малолетними лицами так, как принятие наследства последними не представляется возможным. Так, если ребенок достиг возраста 14 – 18 лет, то с согласия родителя происходит процедура принятия наследства. Дискуссионным является вопрос о конкретном возрасте несовершеннолетнего, либо малолетнего ребенка, который мог являться уважительной причиной, дающей право на восстановление срока для принятия наследства. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации рассматриваются следующие уважительные причины, для восстановления пропущенного срока при принятии наследства - тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и так далее, но возраст несовершеннолетнего ребенка в качестве такой причины в данном перечне отсутствует². Целесообразно внести соответствующее изменение, для полноценной реализации права на наследство.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время права и законные интересы несовершеннолетних и малолетних в области наследования нуждаются в более тщательной законодательной защите с точки зрения законодательной техники, что приведет к неукоснительному обеспечению прав этой категории лиц.

Библиографический список

1. Антимонов Б. С., Граве К. А. Советское наследственное право. – М.: Госюриздат, 1955. - 264 с.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Российская газета, №127, 06.06.2012.

¹ Антимонов Б. С., Граве К. А. Советское наследственное право. – М., 1955. – С. 147.

² П. 40 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Российская газета, №127, 06.06.2012.

THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE THE SUBJECTIVE RIGHT TO POSTMORTAI REPRODUCTION HUMAN IN RUSSIAN LAW

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА ПОСМЕРТНУЮ РЕПРОДУКЦИЮ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Inna Alexandrovna MAKSIMOVA,

lecturer of the Department of civil and labor law, civil justice
Moscow University Russian Interior Ministry named V.Ya. Kikot

Инна Александровна МАКСИМОВА,

преподаватель кафедры гражданского и
трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: maksimova_inna_@mail.ru

Научная специальность 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Annotation. Discusses the concept and content of reproductive rights, the definition of the legal nature of the right in post-mortem human reproduction and the possible directions of improvement of the legislation of the Russian Federation in the sphere of regulation of relations arising in the application of assisted reproductive technologies, including posthumously.

Keywords: assisted reproductive technology (ART), medical services, reproductive rights, post-mortem human reproduction, cryopreservation, donation, surrogate motherhood, demography, legal regulations

Аннотация. Рассматриваются вопросы о понятии и содержании репродуктивных прав, определении правовой природы права на посмертную репродукцию человека, а также возможные направления совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере регулирования отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий, в том числе посмертно.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), репродуктивные права, посмертная репродукция человека, криоконсервация, донорство, суррогатное материнство, демография, правовое регулирование

В настоящее время регулирование репродуктивных технологий сформировалось как отдельный правовой институт, опосредующий отношения по искусственному оплодотворению, использованию суррогатного материнства и другим вспомогательным репродуктивным технологиям.¹

Что такое репродукция и репродуктивные отношения с точки зрения правовой сущности, существуют ли репродуктивные права и каковы их природа, на все это пока нет единого ответа ни в научной литературе, ни тем более – в законодательстве.

Вопрос о возможности существования права на посмертную репродукцию человека лежит в сфере правовых отношений репродукции физического лица. И здесь наблюдается большой отрыв достижений медицины от права. Медицинская наука предлагает новейшие программы репродукции человека, в том числе посмертной, а право не выработало ни соответствующих правовых моделей реализации

данных программ, ни основных правовых понятий соответствующих медицинских дефиниций.

Следует сказать, что впервые о необходимости правового регулирования репродукции человека на международном уровне было заявлено на Международной Конференции по Народонаселению и Развитию (МКНР), состоявшейся в сентябре 1994 года в Каире, результаты которого были отражены в Докладе Четвертой всемирной конференции по положению женщин и в принятой Конференцией Платформе действий. Россия, в числе 180 государств мира, подписала этот документ.

Анализ современного российского права позволяет сделать вывод о том, что есть правовая возможность регулирования отдельных сторон репродукции (право на терапию бесплодия, право на искусственное прерывание беременности и пр.). В силу этого, можно говорить о наличии совокупности субъективных прав, участвующих в регулировании той части репродуктивной деятельности,

которая может быть подвергнута корректировке со стороны государства в интересах последнего и общества (репродуктивные права).

В литературе делались попытки раскрыть понятие репродуктивных прав.

М.Е. Цыганов основывает репродуктивные права на правах женщин, в частности с правом женщины на аборт.²

С точки зрения О.А.Хазовой репродуктивные права это правовая возможность самостоятельно решать вопрос деторождения, в том числе с правом получения соответствующей информации и медицинской помощи³.

Согласно определению, предложенному Ю.В. Павловой репродуктивные права это права супругов или одинокого лица на достижение высокого уровня здоровья, включающий в себя доступ к имеющимся методикам преодоления бесплодия.⁴

По мнению Е.В. Перевозчиковой репродуктивные права являются разновидностью личных прав человека, закрепленных в Конституции РФ и представляют собой сложную совокупность правомочий, объединенных целью продолжения рода, включающая в себя право на принятие решения о зачатии ребенка, о количестве детей, о применении соответствующей процедуры высоких репродуктивных технологий⁵.

Согласно мнению Г.Б. Романовского такой правовой самостоятельной категории как «репродуктивные права» не существует. Законодатель определяет репродуктивные права как правомочия на получение специальной медицинской помощи.⁶

В сущности, предложенные определения не противоречат друг другу и соответствуют утверждению Г.Б.Романовского. Указанные авторы не дают дефиниции репродуктивного права, но раскрывают его через возможные правомочия на репродукцию.

Соответственно, репродуктивные права, объединенные общим назначением, предоставляют различные правовые модели поведения субъекта в осуществлении репродукции и включают как правовые возможности на зачатие с помощью соответствующих медицинских технологий, а также вынашивание и рождение ребенка самой биологической матерью или суррогатной матерью, так и отказ от возможности выносить и родить ребенка сейчас или вовсе.

Право на терапию бесплодия включает в себя права, определяемые по видам вспомогательных репродуктивных технологий, к примеру право на экстракорпоральное оплодотворение, право на донорство гамет и т.д. Группу прав на терапию бесплодия следует дополнить и правом на посмертную репродукцию. Это положение основано на том общем положении, что реализация медицинских программ посмертной репродукции возможна только посредством реализации соответствующих видов вспомогательных репродуктивных технологий.

Представляется, что право на посмертную репродукцию человека заключается в возможности физического лица с помощью соответствующих медицинских технологий, разрешенных правом, осуществить после смерти одного (или обоих) из родителей использование криоконсервированного генетического материала одного или обоих родителей, в том числе при помощи программы «Суррогатное материнство».

В настоящее время, российское право не предусматривает наличие такого субъективного права как право на посмертную репродукцию, но в тоже время и нет запрета на применение современных медицинских достижений на воспроизводства ребенка с использованием соответствующего генетического материала одного (или обоих) из умерших родителей. Тем более это возможно, что для посмертной репродукции в целом достаточно осуществления предусмотренных действующим законодательством видов вспомогательных репродуктивных технологий: криоконсервации генетического материала одного (или обоих) из умерших родителей, зачатия и дальнейшего развития эмбриона/плода путем ЭКО или суррогатного материнства посредством соответствующей медицинской помощи.

Данные технологии достаточно активно используются на практике, что позволяет говорить о допустимости проведения посмертной репродукции с точки зрения возможностей медицины.

Однако, для более полного восприятия сущности права на посмертную репродукцию (а, соответственно, и репродуктивных прав) необходимо определить правовую принадлежность отношений, в которых происходит формирование и реализация данного права. Данные отношения, проистекающие в безусловном применении специальных медицинских мер, носят более медицинский характер. Являются ли данные отношения отдельной, самостоятельной группой медицинских правоотношений?

Достаточно много авторов придерживаются точки зрения, что существует отдельная отрасль права со своим предметом - медицинскими правоотношениями.⁷

Являются ли отношения, возникающие в процессе репродукции человека, блоком правоотношений отдельной отрасли права вопрос для отдельного научного исследования. Но то, что данные отношения не могут быть отнесены только к сфере частного права это очевидно. Следует отметить правовую неоднородность таких отношений. Это прослеживается и по источникам правового регулирования репродуктивной деятельности.

Вопрос уровня правового регулирования репродуктивных отношений вызван тем обстоятельством, что часть из данных отношений, например установление происхождения и защита имущественных и личных неимущественных прав и законных интересов «посмертных» детей, составляет предмет семей-

ного права (соответственно уровень правового регулирования определяется из совместного ведения РФ и субъектов РФ), а иная часть, такие как оказание медицинских услуг при применении вспомогательных репродуктивных технологий, допустимость возмездного донорства репродуктивных тканей, определения правового положения эмбриона и статуса половых клеток и другие - предмет гражданского права (что относит в определении источника права к исключительной компетенции РФ).⁸

Кроме того, сложность данных отношений состоит в неоднородности состава данных отношений. Нельзя сказать, что это исключительно отношения частно-правового характера, подчиненные нормам семейного и гражданского права. В репродуктивных отношениях присутствуют и интересы государства. В силу этого необходимо учитывать сочетание частных и публичных интересов. Прекрасный пример такого сочетания в репродуктивных отношениях приводят А.В. Майфат и Е.С. Резник, которые указывают необходимость формирования режима хранения и обмена информацией о донорах и суррогатных матерях. Это необходимо для того, чтобы избежать в будущем возможности рождения людей от генетически близких людей, а также от злоупотреблений со стороны доноров и суррогатных матерей, выражающихся в излишней частоте предоставления ими своих услуг.⁹

С одной стороны, каким образом распорядиться своей репродуктивной функцией это частная жизнь физического лица. Но, с другой стороны и государство заинтересовано в здоровом обществе. В данных публичных отношениях присутствует некая особенность. «... сама публичность проявляется не в свойственных для нее отношениях «власти - подчинения», а в отношениях, направленных на удовлетворение социально значимых интересов граждан специализированными медицинскими службами, которые не имеют властных полномочий, однако имеют обязанность осуществлять медицинские мероприятия в определенных законом случаях.»¹⁰

Оспаривать наличие государственных интересов в репродуктивном вопросе бессмысленно. Здесь показательны государственные программы Российской Федерации в поддержку семьи и рождаемости детей. Так в частности, Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента № 1351 от 9 октября 2007 года, определила укрепление репродуктивного здоровья и института семьи в качестве приоритетных направлений государственной политики, так как от них зависит не только уровень рождаемости, но и жизнеспособность будущих поколений.¹¹

В силу вышеизложенного, можно определить следующее. Право на применение вспомогательной репродуктивной технологии лежит в основе существования и осуществления права на посмертную

репродукцию. Поскольку осуществление зачатия будет производиться после смерти одного из родителей на основании криоконсервации гамет, и осуществления дальнейших видов ВРТ, то следует ввести термин «посмертная репродукция» и соответственно закрепить право на посмертную репродукцию человека в нормах действующего российского законодательства.

Отсутствие закрепления данного права в российском законодательстве определяет необходимость принятия соответствующих правовых норм, регулирующих отношения, возникающих в процессе возникновения и реализации права на посмертную репродукцию. Представляется, что данные нормы не должны содержаться в отдельном нормативном акте, но войти в соответствующий правовой акт, комплексно регулирующий применение вспомогательных репродуктивных технологий.

Библиографический список

1. *Бурдо Е.П., Гаранина И.Г.* Проблемы выделения института репродуктивных прав человека в российском праве // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 61-68;
2. *Крысанова-Курсанова И.Г., Максимова И.А.* Особенности реализации наследственных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 86-88;
3. *Майфат А.В., Резник Е.С.* Современное состояние и перспективы развития законодательства в сфере использования репродуктивных технологий // Семейное и жилищное право, 2010, N 3;
4. *Перевозчикова Е.В.* Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. С. 9 - 10;
5. *Романовский Г.Б.* Понятие и содержание репродуктивных прав в России и странах СНГ // Реформы и право», 2010, N 4. С. 3;
6. *Труханова Э.Ф.* Институционализация медицинского права в качестве самостоятельной отрасли: теоретико-правовой анализ // Медицинское право», 2011, N 2. С. 10.

¹ Романовский Г.Б. Законодательство о репродуктивных правах в странах СНГ // Медицинское право, 2010, N 5. С. 34

² Цыганов М.Е. Значение религиозной политики в обеспечении репродуктивных прав: международный опыт // <http://www.healthmanagement.ru/theory9.html>.

³ Хазова О.А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. N 4. С. 16.

⁴ Павлова Ю.В. Репродуктивная функция организма как форма реализации конституционного права человека на жизнь: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁵ Перевозчикова Е.В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека: Автореф. дис. ... канд. юрид.

наук. Казань, 2006. С. 9 - 10.

⁶ Романовский Г.Б. Понятие и содержание репродуктивных прав в России и странах СНГ // «Реформы и право», 2010, N 4. С. 3.

⁷ См. Буланова Л.В., Воробьев Н.И. О некоторых вопросах медицинского права // Медицина и право - материалы конференции. Москва, февраль 1999 г. М.: Издательство МАП, 1999. Сергеев Ю.Д., Милушин М.И. О теоретических основах и концепции национального медицинского права // Медицинское право. 2003. N 3. С. 3 - 8; Мохов А.А. Медицинское право как отрасль права и его место в системе российского права // Медицинское право. 2003. N 4. С. 7 - 9; Флора В.Н. Медицинское право как самостоятельная отрасль права // Медицинское право. 2004. N 1. С. 8 - 10; Яценко Е.Ю., Эммануилов С.Д. О достижениях и проблемах становления медицинского права в Российской Федерации // Медицинское право. 2006. N 1. С. 3 - 7, и др.

⁸ См. Майфат А.В., Резник Е.С. Современное состояние и

перспективы развития законодательства в сфере использования репродуктивных технологий // Семейное и жилищное право, 2010, N 3; Крысанова-Кирсанова И.Г., Максимова И.А. Особенности реализации наследственных прав при применении вспомогательных репродуктивных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 8. С. 86-88.

⁹ Майфат А.В., Резник Е.С. Современное состояние и перспективы развития законодательства в сфере использования репродуктивных технологий // Семейное и жилищное право, 2010, N 3

¹⁰ Труханова Э.Ф. Институализация медицинского права в качестве самостоятельной отрасли: теоретико-правовой анализ // Медицинское право», 2011, N 2. С.10

¹¹ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. N 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // URL: <http://base.garant.ru/191961/>

УДК 341.9

ББК 67.412.2

SOME PROBLEMS OF UNIFIED SUBSTANTIVE REGULATION OF INTERNATIONAL COMMERCIAL CONTRACTS

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УНИФИЦИРОВАННОГО МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММЕРЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ

Dina Pavlovna STRIGUNOVA,

candidate in law, assoc. prof., assistant professor
of the Department of Private Law
of the State University of Management,
assistant professor of the Department
of the International Law of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Дина Павловна СТРИГУНОВА,

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры частного права
Государственного университета управления,
доцент кафедры международного права
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Москва, Россия

E-mail: dina_str@list.ru; dina.str@hotmail.com

Научная специальность: 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право

Annotation. The purpose of this article is to examine some problems of unified substantive regulation of international commercial contracts for the sale of goods, leasing, factoring, and transportation of goods.

Keywords: international commercial contract, unified substantive regulation, contract of international sale of goods, international leasing contract, international factoring contract, international cargo transportation contract

Аннотация. Целью настоящей статьи является рассмотрение некоторых проблем унифицированного материально-правового регулирования международных коммерческих договоров купли-продажи товаров, лизинга, факторинга, перевозки грузов.

Ключевые слова: международный коммерческий договор, унифицированное материально-правовое регулирование, договор международной купли-продажи товаров, договор международного лизинга, договор международного факторинга, договор международной перевозки грузов

Унифицированное правовое регулирование международных коммерческих договоров представляет собой процесс воздействия на них норм международных соглашений. Такие соглашения могут быть разделены на две основные группы. В первую группу подлежат включению те из них, которые создают условия для экономического и торгового сотрудничества государств. Среди них огромную роль играют международные договоры, заключенные в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), Содружества независимых государств (СНГ) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС), двусторонние соглашения России в области торговли и экономики, поощрения и взаимной защите иностранных инвестиций, избежании двойного налогообложения и т.д. За некоторым исключением в международных инвестиционных соглашениях¹ указанные правовые акты содержат публично-правовые нормы, которые «создают «позитивный фон» в торговле между странами»², оказывая существенное влияние на взаимоотношения сторон международных коммерческих договоров, однако не являются источниками их правового регулирования с позиции международного частного права (далее – МЧП).

С точки зрения МЧП наибольшее значение имеет другая группа международных соглашений, которые содержат частноправовые нормы, непосредственно направленные на регулирование международных коммерческих договоров. Такие договоры, как правило, являются самоисполнимыми, они могут быть двусторонними и многосторонними, универсальными и региональными, содержащими унифицированные материально-правовые и коллизионно-правовые нормы, полностью или не полностью вовлеченными в процесс частноправового регулирования международных коммерческих договоров или договорных отношений с иностранным элементом. Последняя классификация обусловлена существованием международных соглашений, в которых помимо регулирования договорных отношений с иностранным элементом решаются также иные вопросы (например, договоры о правовой помощи). Помимо этого, международные соглашения, регулирующие международные коммерческие договоры могут быть классифицированы в зависимости от предмета своего регулирования, будучи направленными на регулирование всех или любых международных коммерческих договоров³ либо только отдельной их разновидности.

Направленность на непосредственную регламентацию международных частноправовых от-

ношений, в том числе коммерческого характера, стремление обеспечить единство нормативного правового регулирования международных коммерческих договоров с позиции нескольких государств делает международные соглашения, содержащие унифицированные правовые материально-правовые нормы, наиболее эффективными источниками правового регулирования международных коммерческих договоров. Однако до настоящего времени не принята международная конвенция, в которой были бы урегулированы все материально-правовые вопросы, возникающие в связи с заключением и исполнением любых международных коммерческих договоров. Напротив, материально-правовая унификация коснулась лишь отдельных их разновидностей: купли-продажи товаров, финансового лизинга, факторинга, перевозки грузов. Большинство остальных международных коммерческих договоров не имеет международной материально-правовой унификации. С одной стороны это обусловлено различиями, существующими во внутреннем праве государств и в этой связи их невозможности прийти к консенсусу относительно правовой регламентации однотипного договора международного характера (например, агентского договора), а с другой стороны – неизвестностью какой-либо договорной конструкции во внутреннем праве государств (например, дистрибьюторского договора). Сказанное в целом свидетельствует о недостаточности унифицированного материально-правового регулирования международных коммерческих договоров.

Действующие международные конвенции, регулирующие отдельные разновидности международных коммерческих договоров, характеризуются определенными недостатками, на которые обращается внимание в отечественной доктрине⁴. К таким недостаткам могут быть отнесены фрагментарность и разрозненность их положений, отсутствие подлинного единообразия ввиду необходимости достижения консенсуса, не вступление в силу многих из них, длительность согласования их положений, результатом которой является последующая неадекватность экономическим реалиям. Сказанное указывает на то, что в будущем роль международных соглашений будет только снижаться, это требует поиска иных, альтернативных источников материально-правового регулирования международных коммерческих договоров.

Отдельные проблемы унифицированного международного материально-правового регулирования обусловлены недостатками содержания соответ-

ствующих международных конвенций, посвященных конкретным разновидностям международных коммерческих договоров. Так, Россия является участницей Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980г.⁵ и Оттавских конвенций УНИДРУА о международном финансовом лизинге⁶ и по международным факторинговым операциям 1988г.⁷ Однако, несмотря на определенные достоинства, в том числе их диспозитивный характер и урегулирование в них основных материально-правовых вопросов, связанных с заключением и исполнением соответствующих договоров, содержание некоторых их положений влечет определенные проблемы правоприменительной практики.

Определения регулируемых международных коммерческих договоров во всех трех Конвенциях строятся в соответствии с критерием местонахождения коммерческих предприятий сторон в разных государствах, не учитывая иные разновидности международных коммерческих договоров. Кроме того, Оттавские конвенции 1988г. устанавливают дополнительные правила для их применения, связанные с необходимостью регулирования всех лизинговых и факторинговых отношений правом государств-участников Конвенций либо применением права государств-участников к договорам, опосредующим указанные отношения. Сказанное в целом сужает степень возможного применения указанных документов.

Другая проблема применения Венской конвенции 1980г. и Оттавских конвенций 1988г. обусловлена тем, что при их толковании необходимо принимать во внимание их международный характер (п. 1 ст. 7 Венской конвенции 1980г., п. 1 ст. 6 Конвенции о лизинге 1988г., п. 1 ст. 4 Конвенции о факторинге 1988г.). Данное правило видится достоинством Конвенций, поскольку позволяет толковать их без учета внутреннего права государств, обеспечивая именно международное правовое регулирование рассматриваемых в них договоров, однако в действительности вызывает трудности при его применении, поскольку не указывает источники, которые могут способствовать такому толкованию. Представляется, что для «международного» толкования норм Венской конвенции 1980г., равно как и Оттавских конвенций 1988г., правоприменительные органы должны по возможности избегать использования внутренних источников права при их толковании и анализировать судебные и арбитражные решения, основанные не на внутреннем законе, а на нормах указанных Конвенций, используя метод «автономной квалификации». Источником, с помощью которого возможно толкование Конвенций на основании

указанного метода, могут служить Принципы УНИДРУА 2016г.⁸

Проблемой международного правового регулирования международных коммерческих договоров с помощью указанных Конвенций является отсутствие в них регулирования целого ряда вопросов. В частности, вопросы действительности рассматриваемых договоров, размер процентов годовых при просрочке исполнения обязательств и многие другие остаются за пределами регулирования указанных международных правовых актов.

В соответствии с п. 2 ст. 7 Венской конвенции 1980г., п. 2 ст. 6 Конвенции о лизинге 1988г., п. 2 ст. 4 Конвенции о факторинге 1988г. вопросы, относящиеся к предмету регулирования указанных Конвенций, однако прямо в них не разрешенные, должны разрешаться в соответствии с общими принципами, на которых они основаны, и лишь при отсутствии таковых – в соответствии с правом, применимым в силу МЧП. Однако обращение к внутреннему праву государств в целях восполнения рассматриваемых Конвенций должно осуществляться в последнюю очередь, в тех случаях, когда правоприменительный орган не смог применить указанные принципы. Основная проблема, которая возникает в данной связи, состоит в отсутствии в указанных Конвенциях перечня и содержания подобных принципов, на которых они основаны, а также отсутствия соответствующей отсылки к какому-либо международному нормативному акту, подобному Принципам УНИДРУА 2016г. Упомянутый в Конвенциях принцип добросовестности не получил раскрытия своего содержания. Категория «разумное лицо» в Венской конвенции 1980г. также не раскрыта. Приведенные обстоятельства делают неизбежным судебское усмотрение и не способствуют единообразию в применении указанных документов в судах и арбитражах различных государств, где они могут неодинаково пониматься. Решением указанной проблемы могут служить: 1) внесение дополнений в рассматриваемые Конвенции, определяющих содержание упоминаемых и подразумеваемых в них принципов; 2) отсылка к иным международным нормативным актам, в которых раскрывается содержание подобных принципов (например, Принципы УНИДРУА 2016г.); 3) доктринальное определение указанных принципов, применимых в области международного коммерческого оборота.

Еще одна проблема, возникающая в связи с применением Венской конвенции 1980г., связана с применением обычаев, о которых говорится в ст. 8 Конвенции. Его содержание и правовая природа в Конвенции не раскрываются и требуют своего уточнения, в отсутствие которых обычай может неодинаково пониматься в государственных судах

и международных коммерческих арбитражах, что не способствует единообразному применению Конвенции. Представляется, что речь должна идти о международных торговых обычаях, доказательством существования которых вполне могут служить Принципы УНИДРУА 2016г., однако, учитывая правовую природу таких обычаев, они должны применяться при желании сторон международного коммерческого договора ими руководствоваться.

Другим международным коммерческим договором, урегулированным с помощью международных соглашений (транспортных конвенций), является договор международной перевозки грузов. По общему правилу договор перевозки грузов является международным, если перевозка осуществляется между двумя государствами. Как отмечает О.Н. Садиков, международный характер в данном случае присущ процессу перемещения из одной страны в другую и таким образом его исполнение заканчивается в стране иной, нежели государство отправления грузов или пассажиров⁹. Таким образом, для международной перевозки необходимо, чтобы место отправления и место назначения, указанные в договоре находились в разных странах. Тем самым для международного коммерческого договора перевозки не важно, находятся ли места коммерческой деятельности его сторон в разных государствах, главное, чтобы объект прав участников договора перемещался через границу. Такие перевозки подпадают под конвенционное регулирование.

Наиболее важная проблема нормативного правового регулирования международных коммерческих договоров перевозки грузов в соответствии с нормами транспортных конвенций, связана с ответственностью международного перевозчика. Большинство транспортных конвенций содержат нормы об ограниченной ответственности перевозчика, основанной на принципе вины (например, Гааго-Висбийские правила 1968г.¹⁰, Гамбургские правила 1978г.¹¹, Роттердамские правила 2009г.¹², Варшавская конвенция 1929г.¹³, КДПГ 1956г.¹⁴, КОТИФ 1980г.¹⁵, СМГС 1951г.¹⁶). При этом большинство конвенций устанавливают обширные перечни обстоятельств, исключающих ответственность международного перевозчика. Гааго-Висбийские правила предусматривают положение о так называемой «навигационной ошибке» перевозчика (п. 2 ст. 4).

Несколько иным образом регулирует указанные вопросы Монреальская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999г.¹. Указанная конвенция предусматривает «объективную ответствен-

ность»¹⁷ авиаперевозчика, т.е. его безвиновную ответственность за несохранность груза, устанавливая исчерпывающий перечень обстоятельств, освобождающих его от ответственности. В Монреальской конвенции 1999г. сохранилось принятое в Варшавской конвенции 1929г. положение о «виновной» ответственности перевозчика за опоздание в доставке груза. Сохранение в Монреальской конвенции 1999г. указанного положения Н.Н. Остроумов объясняет «чрезвычайной сложностью организации и технологии транспортного процесса, зависимостью его от множества условий, разрешений, иных неподвластных перевозчику обстоятельств, а главное – требованиями безопасности полетов...»¹⁸. С указанным мнением следует согласиться.

Содержащееся в транспортных конвенциях положение о навигационной ошибке, равно как и нормы об ответственности перевозчика, основанной на принципе презюмируемой вины, уже не соответствуют потребностям участников современного международного коммерческого оборота (грузовладельцев). Данное мнение основано на характере международной перевозки грузов, носящей коммерческий характер, при которой международный перевозчик является профессиональным коммерсантом, а потому его ответственность за несохранность и повреждение груза должна строиться по объективному принципу, хотя и может носить ограниченный характер. При этом указанный коммерсант-профессионал не должен исключать свою ответственность по такому устаревшему основанию, как навигационная ошибка. В то же время, учитывая сложность технологического процесса, связанного с перевозкой, включая международную, ответственность за задержку в от отправлении и доставке груза, может основываться на принципе презюмируемой вины.

Таким образом, унифицированное материальное правовое регулирование международных коммерческих договоров характеризуется недостаточностью, которая вызвана:

1. отсутствием регулирования в рамках международных конвенций, содержащих унифицированные материально-правовые нормы, отдельных видов международных коммерческих договоров (полная неурегулированность);
2. узкой сферой и дополнительными условиями применения действующих конвенций, содержащих унифицированные материально-правовые нормы, а также неурегулированностью ряда вопросов в них (частичная неурегулированность, фрагментарность регулирования). Помимо этого, унифицированное материальное правовое регулирование международных коммерческих догово-

воров характеризуется нечеткостью ряда положений, содержащихся в Конвенциях, посвященных отдельным видам международных коммерческих договоров.

¹Об этом: Хаусманн Р. Инвестиционные договоры с иностранными инвесторами// Правовые аспекты инвестиционных договоров. – М., 2012. С. 23-24// СПС «Консультант Плюс».

²Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование. – М., 2016. С. 33.

³Соглашение СНГ «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (Киев, 20.03.1992г.)// Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993г.) (с изм., внесенными Протоколом от 28.03.1997г.)// Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.

⁴Бахин С.В. Lex mercatoria и унификация международного частного права// Журнал международного частного права. 1999. № 4 (26). С. 4; Карсакова Н.А. Теория lex mercatoria в юридической доктрине и практике. Автореф. к.ю.н. - М., 2006. С. 1.

⁵Напр.: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980г. (Вена, 11.04.1980г.). РФ участвует// Вестник ВАС РФ. 1994. № 1// СПС «Консультант Плюс».

⁶Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (Оттава, 28.05.1988г.). РФ участвует// Собрание законодательства РФ. 1999. № 32. Ст. 4040.

⁷Конвенция УНИДРУА по международным факторинговым операциям (Оттава, 28.05.1988г.). РФ участвует// Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. Ст. 2198.

⁸2016 UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts// Официальный сайт Международного института по унификации частного права (УНИДРУА)// Режим доступа: <http://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (дата обращения: 19 октября 2017г.)

⁹Садиков О.Н. Правовое регулирование международных пе-

ревозок. – М.: «Юридическая литература», 1981. С. 5, 7.

¹⁰Брюссельская конвенция об унификации некоторых правил о коносаменте 1924г., измененная Брюссельским протоколом 1968г. РФ участвует с 1999г. в ред. Протокола 1979г.; Федеральный закон РФ от 17.12.1998г. № 17-ФЗ «О присоединении РФ к Протоколу об изменении Международной конвенции об унификации некоторых правил о коносаменте от 25.08.1924г., измененной Протоколом от 23.02.1968г.»// Собрание законодательства РФ. 1999. № 2. Ст. 244.

¹¹Конвенция ООН о договорах морской перевозке грузов 1978г. Участвуют 34 государства. РФ не участвует// СПС «Консультант Плюс».

¹²Конвенция ООН о договорах полностью или частично международной морской перевозки грузов (Роттердамские правила). Заключена в Нью-Йорке. 11.12.2008г. РФ не участвует. В силу пока не вступила// СПС «Консультант Плюс».

¹³Варшавская конвенция для унификации некоторых правил, касающихся международных воздушных перевозок, 1929г. РФ участвует. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII. – М., 1935. С. 326-339; Протокол, изменяющий Варшавскую конвенцию (г. Гаага, 1955г.)// Ведомости ВС СССР. 1957. № 8. Ст. 217.

¹⁴Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ) (Женева, 19.05.1956г.). РФ участвует// СПС «Консультант Плюс».

¹⁵Конвенция о международных железнодорожных перевозках (КОТИФ) (Берн, 9.05.1980г.) (с изм. от 3.06.1999г.). РФ участвует с оговорками и заявлением (ФЗ РФ от 17.07.2009. № 152-ФЗ)// Собрание законодательства РФ. 2011. № 35. Ст. 5060.

¹⁶Соглашение о международном железнодорожном грузовом сообщении (СМГС) от 1.11.1951г. с изм. от 1.07.2015г. РФ участвует// СПС «Консультант Плюс».

¹⁷РФ участвует с оговоркой. Текст конвенции: Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 314-399; Федеральный закон РФ № 52-ФЗ от 03.04.2017г. «О присоединении Российской Федерации к Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок»// СЗ РФ. 2017. № 15 (Часть I). Ст. 2127.

¹⁸Международное частное право: Учебник. В 2 т. Т. 2: Особенная часть/ Отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. – М.: Статут, 2015. С. 378 (автор главы - Н.Н. Остроумов).

¹⁹Там же. С. 379.

NOVELTIES OF THE CIVIL LEGISLATION UNDER THE LOAN AGREEMENT

НОВЕЛЛЫ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПО ДОГОВОРУ ЗАЙМА

Svetlana Aleksandrovna USTIMOVA,
PhD, associate Professor of civil and labour law
civil process Moscow University of the
MIA of Russia named after V. Ya. Kikot,

Ekaterina Nikolaevna RASSKAZOVA,
PhD, senior lecturer in civil and labor law, civil procedure
Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot,

Светлана Александровна УСТИМОВА,
кандидат юридических наук доцент кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: 7791sveta@mail.ru

Екатерина Николаевна РАСКАЗОВА,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
E-mail: stepanovakatyayandex.ru

Научная специальность: 12.00.03 – гражданское право, предпринимательское право, семейное право; международное частное право

Рецензент: доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент **Юзефович Ж. Ю.**

Annotation. The use of leverage is an integral part of life of modern Russian society, it is necessary strict compliance with the requirements of civil, tax and other legislation governing the loan agreement. Therefore, innovations in civil legislation concerning of the loans of interest not only for planning the conclusion of such contract in the future, but also to prevent disputes of this kind of obligations.

Keywords: loan contract, the borrower, the lender, the interest rate, the performance of the contract

Аннотация. Использование заемных средств – неотъемлемая часть жизни современного российского общества, при этом необходимо строгое соблюдение требований гражданского, налогового и иного законодательства, регулирующего вопросы заключения договора займа. Поэтому нововведения в гражданском законодательстве относительно займов, интересны не только для планирования заключения такого вида договора в будущем, но и для предотвращения споров по данному виду обязательств.

Ключевые слова: договор займа, заемщик, займодавец, процентная ставка, исполнение договора.

Договор займа, впрочем, так же как и кредитный договор, относится к числу наиболее распространенных и востребованных в повседневной жизни, при этом он может заключаться всеми субъектами гражданского правоотношения: гражданами, юридическими лицами, муниципальными образова-

ниями, субъектами Российской Федерации и Российской Федерацией.

Недавние новеллы законодателя, внесенные Федеральным законом от 26.07.2017 № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»,

скорректировали и дополнили положения ГК РФ о займах, что свидетельствует об активном развитии этого обязательства в настоящее время в Российской Федерации. Изменения в законодательстве по-новому регулируют данный вид договора.

В соответствии с п. 1 ст. 807 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества. В связи с принятыми изменениями с 1 июня 2018 года предметом договора займа смогут быть не только денежные средства (наиболее распространенный вариант) и вещи, определяемые родовыми признаками, но и ценные бумаги. Это правило конкретизируется в п. 4 ст. 807 ГК РФ принятого ФЗ № 212: договор займа может быть заключен путем размещения облигаций. Если договор займа заключен путем размещения облигаций, в облигации или в закрепляющем права по облигации документе указывается право ее держателя на получение в предусмотренный ею срок от лица, выпустившего облигацию, номинальной стоимости облигации или иного имущественного эквивалента.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей. Однако в новой редакции Гражданского кодекса (вступающей в силу с 1 июня 2018 года) момент заключения договора займа для физических и юридических лиц разделен:

- если займодавцем в договоре займа является гражданин, договор считается заключенным с момента передачи суммы займа или другого предмета договора займа заемщику или указанному им лицу;
- юридическое лицо, являющееся заемщиком вправе привлекать денежные средства граждан в виде займа под проценты путем публичной оферты либо путем предложения делать оферту, направленного неопределенному кругу лиц, если юридическое лицо имеет право на привлечение денежных средств граждан на основании закона. Этот вид договора является консенсуальным займом, которые смогут выдавать юридические лица на условиях обещания передачи денег через определенный срок, указанный в договоре.

Таким образом, нововведения в гражданском законодательстве, которые вступят в силу с 1 июня 2018 года указывают на два вида договора займа — реальный, который заключается между физическими лицами, и консенсуальный, заключенный между организациями с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям договора. Эти изменения помогут в будущем при необходимости разрешения споров, связанных с до-

говором займа, поскольку если займодавец не передаст деньги, это, в свою очередь, не помешает заемщику требовать исполнения по договору.

В настоящее время договор займа является реальным и считается заключенным только с момента передачи денежных средств. Относительно денежных средств, выступающих предметом договора, можно заметить, что они могут выступать в гражданском обороте, в частности в договоре займа как в наличной, так и безналичной форме.¹

Так, такие субъекты как Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные образования и юридические лица заключают договор займа в безналичной форме. Они подтверждают передачу денежных средств, если это необходимо в рамках судебного разбирательства, документами из банка.

Граждане, заключая договор займа, составляют и подписывают договор, распространена выдача расписки, подтверждающая передачу денежных средств, вещей, либо ценных бумаг (последнее в изменениях вступающих в действие с 01.06.18г.).

По нашему мнению, гражданину, когда он является займодавцем, в обеспечительных целях на будущее передавать денежные средства заемщику лучше в безналичной форме, что проще доказать в судебном разбирательстве при подтверждении факта исполнения договора гражданином-займодавцем. Хотя, нововведения по займу, принятые ФЗ РФ от 26.07.2017 г. № 212 определяют размер займа для соблюдения письменной формы договора между физическими лицами — 10 тыс. руб., в настоящее время письменная форма необходима для займа по сумме, не превышающей 10 МРОТ). Такие законодательные меры, безусловно направлены на защиту прав граждан — потребителей, участников договора займа. Надо учитывать, что не всегда граждане, себе в ущерб соблюдают необходимую письменную форму договора, что в свою очередь лишает их права в случае возникновения спора ссылаться на свидетельские показания, поэтому передача денег в безналичной форме в таком случае более предпочтительна, поскольку всегда можно доказать факт перевода денежных средств на счет оппонента (например, платежным поручением).

С 1 июня 2018 года суды будут исследовать при наличии спора по договору займа не только факт передачи денежных средств, но и оферту и ее акцепт, если речь идет о заключении договора юридическими лицами. Кроме этого, вопрос о том, когда договор считать заключенным: с момента передачи денежных средств или с момента согласования существенных условий договора займа решается сторонами самостоятельно.

Изменения, принятые в ФЗ РФ № 212 предоставляет сторонам договора займа новые средства защиты своих интересов для предупреждения злоупотреблений правами. Так, ст. 807 ГК РФ дополняется п. 3, в котором сказано, что, если займодавец

в силу договора займа обязался предоставить заем, он вправе отказаться от исполнения договора полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленный заем не будет возвращен в срок. Кроме этого, заемщик по договору займа, в силу которого займодавец обязался предоставить заем, вправе будет отказаться от получения займа полностью или частично, уведомив об этом займодавца до установленного договором срока передачи предмета займа, а если такой срок не установлен, в любое время до момента получения займа, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором займа по которому заемщиком является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность.

Новая редакция ГК РФ предусматривает больше мер, направленных на защиту интересов заемщиков от недобросовестных займодавцев по сравнению с действующим законодательством.

Так, ч. 5 ст. 809 ГК РФ предусмотрено, что размер процентов за пользование займом по договору займа, заключенному между гражданами или между юридическим лицом, не осуществляющим профессиональной деятельности по предоставлению потребительских займов, и заемщиком-гражданином, в два и более раза превышающий обычно взимаемые в подобных случаях проценты и поэтому являющийся чрезмерно обременительным для должника (ростовщические проценты), может быть уменьшен судом до размера процентов, обычно взимаемых при сравнимых обстоятельствах. Эти изменения продолжают разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по спорам о начислении и взыскании процентов по договору займа (Пленум ВС РФ п. 1 Постановления от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ»), а также нормы Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите».²

Действующие нормы о займе не предусматривают возможность снижения процентов, оговоренных сторонами в договоре. Поэтому закрепление в законе понятия «ростовщические проценты» позволит судам при исследовании условий о процентах решать спор между заемщиком и займодавцем.

Относительно займов между физическими лицами, если они не связаны с предпринимательской деятельностью, а также физическим и юридическим лицом на сумму менее 100 тыс. руб. по новому законодательству (ФЗ РФ № 212) (сейчас – 50 МРОТ), а также займов, предметом которых выступают не деньги, а иные вещи можно отметить, что они будут всегда беспроцентными, если иное не оговорено до-

говором (ч. 4 ст. 809 ГК РФ в новой редакции, вступающей в действие с 1 июня 2018 года).

Если договор займа предусматривает начисление процентов, то в случае досрочного возврата займа, предоставленного под проценты, займодавец по новому законодательству будет иметь право на получение с заемщика процентов по договору займа, которые начислены до дня возврата суммы займа полностью или ее части включительно. Также заем будет считаться возвращенным в момент передачи его займодавцу, в том числе в момент поступления суммы займа в банк, где открыт банковский счет займодавца (п. 3 ст. 810 ГК РФ в новой редакции, вступающей в действие с 1 июня 2018 года). Такие нововведения, безусловно, помогут заемщику в исполнении договора, при возникновении спора по возврату займа.

Итак, рассмотренные нами нововведения в гражданском законодательстве относительно договора займа являются, по нашему мнению, целесообразными и нужными, о чем свидетельствует практика применения законодательства о займах. И, несмотря на то, что эти новеллы будут подлежать применению в отношении займов, заключенных после вступления в законную силу изменений в ГК РФ, то есть с 1 июня 2018 года, они могут использоваться хозяйствующими субъектами при планировании своей деятельности, в первую очередь это касается заключения консенсуальных займов, т.е. обещание займов в будущем.

Библиографический список

1. *Е.В. Косенко.* Актуальные проблемы заключения договора займа // Вестник Саратовской государственной юридической академии · № 2 (91) 2013. С. 81.
2. *Чхутиашвили Л.В.* Актуальные вопросы регулирования кредитного договора по российскому праву // Банковское право. 2012. № 1. С. 66.
3. *К. Милов.* Преобразование ГК РФ продолжается: новые правила для финансовых сделок // «Ваш партнер-консультант» № 31 (9697), 2017.

¹ См. Е.В. Косенко · Актуальные проблемы заключения договора займа // Вестник Саратовской государственной юридической академии · № 2 (91) 2013. С. 81. Чхутиашвили Л.В. Актуальные вопросы регулирования кредитного договора по российскому праву // Банковское право. 2012. № 1. С. 66.

² См. К. Милов. Преобразование ГК РФ продолжается: новые правила для финансовых сделок // «Ваш партнер-консультант» № 31 (9697), 2017.

ABOUT PRACTICAL ISSUES OF LEGAL SUPPORT OF THE AIR NAVIGATION SYSTEM DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

О НЕКОТОРЫХ ПРАКТИЧЕСКИХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ АЭРОНАВИГАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Vadim Nikolaevich KOVALENKO,
doctor of law, Professor, Russian University of cooperation

Вадим Николаевич КОВАЛЕНКО,
доктор юридических наук, профессор, Российский университет кооперации
E-mail: volgoopo@mail.ru

Аннотация. Анализ законодательства в контексте исследования процессов функционирования аэронавигационной системы страны, еще раз подтверждает недостаточность мер правового характера по обеспечению ее деятельности. Концептуальные документы последнего времени по развития данной сферы отношений не принесли должного влияния на нормативно-правовую составляющую организации воздушного движения в Российской Федерации.

Ключевые слова: правовое регулирование, аэронавигационное обслуживание, организация воздушного движения, единая система организации воздушного движения, воздушное пространство

Annotation. Analysis of law in the research context of country air navigation system functioning processes, once again confirms the insufficiency of legal measures to ensure its activities. The last Conceptual documents in this field of relations have not brought the effect on the legal part of the air traffic organization in the Russian Federation.

Keywords: legal regulation, air navigation services, air traffic management, unified system of air traffic management, airspace

Правовое регулирование - процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание.

Аэронавигационное обслуживание (АНО) пользователей воздушного пространства России является важной составляющей частью авиатранспортного процесса.

Создание развитой национальной сети воздушных сообщений и обеспечение безопасного и надежного аэронавигационного обслуживания способствуют решению транспортных проблем, а также обеспечению экономически эффективной деятельности транспортного комплекса на территории Российской Федерации. Поэтому устойчивое развитие авиации является гарантией свободного перемещения авиапассажиров и грузов, выполнения важных авиационных работ, обеспечения целостности и национальной безопасности государства, улучшения условий и уровня жизни населения.

В этой связи, формирование перспективного облика Аэронавигационной системы России (АНС) на основе потребностей пользователей воздушного пространства Российской Федерации в аэронавигационном обслуживании имеет одно из определяю

щих значений для развития отечественного рынка авиаперевозок.

Каждое из государств - участников Чикагской конвенции приняло на себя обязательство путем издания специальных правил или иным образом принимать все возможные меры по содействию и ускорению навигации воздушных судов и по предотвращению не вызванных необходимостью задержек воздушных судов, экипажей, пассажиров и грузов (ст. 22 Конвенции) [1].

Базовой структурой комплекса средств аэронавигационного обслуживания в Российской Федерации является Единая система организации воздушного движения (ЕС ОрВД), предназначенная для обеспечения безопасного, экономичного, регулярного воздушного движения и другой деятельности по использованию воздушного пространства Российской Федерации в интересах граждан, экономики, обороны и безопасности государства.

Ключевые задачи правового регулирования аэронавигационной системы всецело определяются свойствами ЕС ОрВД РФ как сложной социотехнической системы, функционирующей на всей территории Российской Федерации и интегрированной в структуру глобального (международного) аэронавигационного обеспечения, в силу чего правовое обе-

спечение деятельности оперативных органов аэронавигации в стране должно строиться на системной основе, нацеленной на мультипликативный эффект, и включать в себя ряд практических направлений:

- оказание содействия правовыми средствами в предупреждении и пресечении противоправных притязаний и экстремистских проявлений, направленных против безопасности и обороноспособности Российской Федерации в сфере использования воздушного пространства;

- выполнение решений предприятий по вопросам, имеющим значение не только для него, а для всей системы предприятия обеспечивающих функционирование ЕС ОрВД РФ, имеющего важное значение для безопасности и обороноспособности Российской Федерации;

- снижение количества судебных процессов, а также предотвращение социально-трудовых конфликтов, путем выработки мер по их предупреждению;

- институциональное (прежде всего нормативно-правовое) решение проблем, связанных с уставной деятельностью предприятия и деятельностью аэронавигационной системы России в целом, в том числе при реализации Стратегии развития аэронавигационной системы Российской Федерации.

Автор отмечает, что основные направления организационной, экономической, технической и социальной политики по реформированию системы были определены в Концепции создания и развития Аэронавигационной системы России, одобренной Правительством РФ 4 октября 2006 года [2].

Концепция создания и развития Аэронавигационной системы России, она опиралась на «Основы политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2010 года», утвержденные Президентом РФ 3 марта 2001 г. [3], и «Основы военно-технической политики Российской Федерации на период до 2015 года и дальнейшую перспективу» [4], утвержденные Президентом РФ 11 марта 2003 г., и определяла основные направления всех аспектов политики по реформированию ЕС ОрВД в нашей стране, в том числе ведомственных служб аэронавигационной информации, авиационного метеорологического обслуживания, реализации мероприятий по организации единой системы авиационно-космического поиска и спасания, что в итоге должно было привести к созданию и поэтапному развитию Аэронавигационной системы России и высокоэффективному использованию национального воздушного пространства всеми пользователями. Указывалось, что Концепция создания и развития Аэронавигационной системы России основывается на «основных положениях Глобальной эксплуатационной концепции организации воздушного движения [5] ИКАО и решениях государств-членов по переходу к организации воздушного движения с использованием

перспективной техники и технологий, включая системы, основанные на концепции перспективных систем связи, навигации и наблюдения/организации воздушного движения» [2]. Предпосылками создания Аэронавигационной системы России послужили существовавшие в то время ограничения и недостатки функционирования действующей ЕС ОрВД и взаимодействующих систем, участвующих в аэронавигационном обслуживании, в том числе ведомственная разобщенность, выработавшие свой технический ресурс радиотехнические системы. В контексте исследуемых вопросов следует обратить внимание на тот факт, что одним из недостатков называли сложность интеграции ЕС ОрВД и взаимодействующих с ней систем в мировую аэронавигационную систему вследствие существенных различий между нормативными правовыми актами РФ и стандартами и рекомендуемой практикой ИКАО.

В соответствии с Концепцией создания и развития Аэронавигационной системы России, назначение этой системы заключается в обеспечении эффективного использования воздушного пространства РФ. В свете изучаемых вопросов интересно, что данная концепция предусматривала правовую составляющую: «статус Аэронавигационной системы и границы юридической ответственности соответствующих федеральных органов исполнительной власти должны быть определены при разработке положения об Аэронавигационной системе» [2]. Однако эти вопросы правового регулирования так и остались без должного внимания и на практике в нормативном документе воплощения не нашли.

Несмотря на то, что единая Аэронавигационная система РФ в понимании, заложенном в Концепцию, не была создана, ряд положений Концепции нашли отражение в инвестиционных программах (в т.ч. ФЦП), нормативно-правовой базе, правилах и процедурах аэронавигационного обслуживания.

Согласно решению Правительственной комиссии по транспорту от 19 февраля 2016 г. (пункт 5 раздела III протокола заседания Правительственной комиссии по транспорту от 19 февраля 2016 г. № 2) была разработана и одобрена на заседании Правительственной комиссии по транспорту от 19 сентября 2017 г. Стратегия развития аэронавигационной системы Российской Федерации до 2030 года.

Данный документ подтверждает, что на сегодняшний день АНС России следует признать действующей, но остающейся фрагментированной, не достигнувшей степени интеграции, предусмотренной Концепцией [6]. По мнению автора, Стратегия в основном опирается на технические мероприятия Концепции Глобального аэронавигационного плана на 2013-2028 гг. ИКАО и ее основные положения блочной модернизации авиационной системы, которые должны отражаться на отраслевых, национальных и международных стандартах.

Автор отмечает, что помимо прочих процессов, в Стратегию включены лишь отдельные положения по нормативно-правовому регулированию ряда направлений АНО. В то же время по-прежнему, как и в Концепции, кроме как пожеланий о внесении корректировки «в ряд нормативно-правовых актов для реализации инициатив Стратегии» [6], других мер правового характера не предусмотрено.

Таким образом, ни один из концептуальных документов не оказал реального влияния на процесс совершенствования национального законодательства в сфере использования воздушного пространства РФ в целом и аэронавигационного обслуживания в частности. Вышерассмотренные подходы, безусловно, были полезны в теоретическом отношении и нельзя отрицать их пользы, если рассматривать их как определенные этапы поиска решений и направлений совершенствования отечественного законодательства.

Библиографический список

1. *Конвенция о международной гражданской авиации* (Чикаго, 7 декабря 1944 г.) (с изменениями и дополнениями) URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения 22.10.2017 г.).
2. *Концепция создания и развития Аэронавигационной системы России*. Одобрена на заседании Правительства Российской Федерации от 4 октября 2006 г. URL: <http://www.atminst.ru/> (дата обращения 14.03.2016 г.).
3. *Основы политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2010 года* (утв. Президентом РФ 3 марта 2001 г. N ПП-241). URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 14.03.2017 г.).
4. *Основы военно-технической политики Российской Федерации на период до 2015 года и дальнейшую перспективу* (утв. Президентом Российской Федерации 11 марта 2003 г.) URL: <http://base.garant.ru/> (дата обращения 18.10.2017 г.).
5. *Глобальная эксплуатационная концепция организации воздушного движения*. Одобрена 11-й аэронавигационной конференцией Международной организации гражданской авиации 3 октября 2003 г. // AN-Conf/11-WP/108. Материалы Одиннадцатой Аэронавигационной конференции ИКАО. Монреаль, 22 сентября – 3 октября 2003 года.
6. *Стратегия развития аэронавигационной системы Российской Федерации до 2030 года* URL: <http://gkovd.ru/> (дата обращения 1.11.2017 г.)

OUTSTANDING ISSUES OF PROCUREMENT LEGISLATION FOR ENSURE STATE NEEDS

НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЗАКУПКАХ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

Tofik Mir Taghi ogli GANDILOV,
doctor of legal sciences, Professor
Department of civil and labour law, civil process,
Mohs MVD of Russia, honoured lawyer of the Russian Federation

Karina Karimovna RAMAZANOVA,
PhD, lecturer in civil and labour law, civil process, Mohs, the Russian Interior Ministry police Maj.

Тофик Мир Таги оглы ГАНДИЛОВ,
доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса МосУ МВД России, заслуженный юрист РФ

Карина Каримовна РАМАЗАНОВА,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса МосУ МВД России,

Annotation. The article discusses the practice of application of the legislation on public procurement, execution by the parties of contractual obligations, paying customers of the value of goods (works, services), as well as responsibility for violation of conditions State contract.

Keywords and word-combinations: State contract, procurement, obligation, payment for goods (works, services)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы практики применения норм законодательства о государственных закупках, исполнения сторонами контрактных обязательств, оплаты заказчиками стоимости товаров (работ, услуг), а также ответственность за нарушение условий государственного контракта.

Ключевые слова: государственный контракт, закупки, обязательство, оплата товаров (работ, услуг), ответственность

Публичные закупки для обеспечения государственных нужд в товарах, работах и услугах имеют существенное значение для нормального функционирования экономики. По опубликованным в печати данным годовой объем рынка закупок товаров для нужд органов государственной власти, органов местного самоуправления и отдельных видов юридических лиц превышает 25 трл. рублей, что эквивалентно 30 процентам ВВП России. Это огромная сумма, рациональное расходование которой в не малой степени зависит от эффективности правового регулирования государственных закупок, от наличия совершенной законодательной базы, призванной решать возникающие на практике проблемы в сфере не только размещения, но и исполнения условий государственного контракта.

Между тем некоторые важные проблемы в этой области до сих пор не нашли адекватного решения как в ГК РФ, так и в законах, специально посвященных контрактной системе закупок государственными (муниципальными) органами и отдельными видами юридических лиц.¹

Следует отметить, что за прошедшие четыре года со дня принятия Закона о контрактной системе, он все еще не приобрел ту эффективность, которую на него возлагали. Продолжается поиск оптимальных вариантов решения ряда наиболее важных вопросов путем внесения в него изменений с целью устранения тех лазеек, которыми участники контракта активно пользуются на практике.

В частности, ныне действующий правовой механизм контрактной системы позволяет заказчикам обходить конкурентные процедуры за счет перевода

бюджетных средств в категорию субсидий, передаваемых унитарным предприятиям.

Дело в том, что Закон о контрактной системе не распространяется на государственные унитарные предприятия. Последние действуют по правилам Федерального закона от 18 июля 2011г. №223, регулирующего корпоративные закупки. По этому Закону унитарные предприятия имеют возможность самостоятельно определить процедуры закупки, и, на практике, они зачастую злоупотребляют этим правом, выбирая поставщика (подрядчика) по своему усмотрению, что позволяет им устранить конкуренцию на торгах и производить закупки у единственного поставщика (подрядчика). В качестве последних имеются в виду, не только естественные монополисты на внеконкурентном рынке (например, оборонные предприятия), а множество других единственных поставщиков, в связи с чем, возникла острая необходимость перевода их в конкурентное поле и обеспечить прозрачность закупок путем проведения открытых электронных торгов.

С целью решения данной проблемы действующее законодательство ныне предусматривает обязательное общественное обсуждение закупок при начальной (максимальной) цене контракта более 1млр. рублей с использованием конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков).² При этом обязательность общественного обсуждения в соответствии с постановлением Правительства РФ касается всех государственных и муниципальных заказчиков, бюджетных учреждений и унитарных предприятий.

Для участников обсуждения, проводимого в два этапа, не предусмотрены какие-либо ограничения. Напротив, все юридические лица, независимо от организационно-правовой формы и места нахождения, а также физические лица, в т.ч. индивидуальные предприниматели на равных условиях могут участвовать в обсуждении закупок для обеспечения государственных нужд.

Несмотря на положительные сдвиги в прозрачности закупок, однако, существующие здесь проблемы все еще полностью не решены. На практике встречаются случаи задержки в отображении на портале электронных торгов заявок поставщиков. А порой они вовсе не отображаются и конкуренты узнают о победителе после обнародования результатов торгов. Поэтому неслучайно на сегодня только треть государственных закупок прозрачна.³

Кроме того, чтобы уйти от общественного обсуждения, т.е. от излишней гласности закупки, Министерством экономического развития и торговли РФ выявлены ряд случаев снижения начальной цены закупок. Во избежание данной лазейки, необходимо без промедления продумать вопрос о том, как и какими способами, следует устранить подобное недобросовестное действие поставщиков (подрядчиков) в сфере публичных закупок.

В связи с изложенными проблемами, определенную значимость в науке и практике, приобретает и исполнение обязательства сторон, вытекающие из государственного контракта. Ему посвящены соответствующие статьи ГК РФ и специального Закона о контрактной системе.

Следует, однако, отметить, что исполнение государственного контракта имеет свою специфику, закрепленную в ст. 94 упомянутого специального Закона, где исполнение контракта в целях реализации закупки включает в себя комплекс мер по взаимодействию заказчика с поставщиком (подрядчиком, исполнителем). Имеется в виду приемка поставленного товара, выполненной работы (ее результата), оказанной услуги, а также оплата их в соответствии с условиями контракта. При этом взаимодействие сторон обусловлено взаимными обязательствами, имеющими правовые последствия.

Так, согласно ст. 34 Закона о контрактной системе в случае просрочки исполнения заказчиком либо поставщиком контрактных обязательств, потерпевшая сторона вправе потребовать уплаты неустойки (штрафа, пени) от нарушителя, который освобождается от ответственности, если только докажет, что неисполнение или ненадлежащее исполнение наступило вследствие непреодолимой силы или по вине другой стороны. Сказанное можно проиллюстрировать следующим примером из арбитражной практики.

При рассмотрении одного из арбитражных споров, заказчик требовал взыскать с подрядчика неустойку за просрочку работ. Подрядчик действительно не закончил строительство автомобильной дороги в срок, установленный в контракте. Но как выяснилось в суде, задержка была вызвана тем, что контрагент заказчика несвоевременно перенес газопровод, который находился в зоне строительства и мешал работе ответчика, о чем последний неоднократно уведомлял заказчика.

Поскольку заказчик не создал условия для работ, суд исходя из ст.747 ГК РФ и п.9 ст.34 Закона о контрактной системе освободил подрядчика от ответственности за нарушение срока исполнения контракта по вине заказчика.⁴

Следовательно, исполнение контракта охватывает не только действия поставщика (подрядчика, исполнителя), но и заказчика. Речь идет о юридических действиях, поскольку они влекут известные правовые последствия.

Необходимо коснуться и вопроса об оплате заказчиками товаров (работ, услуг) по государственным и муниципальным контрактам.

На практике, немало случаев необоснованной задержки заказчиками оплаты исполненных обязательств по контракту. Причиной тому во многом является несовершенство действующего механизма расчетов в контрактной системе, где отсутствует предельный срок для оплаты товаров (работ, услуг)

после их приемки. По поводу установления такого срока еще в 2016г. Правительством РФ предложено было внести соответствующие изменения в Закон о контрактной системе, что, несомненно, могло бы способствовать повышению платежной дисциплины в сфере государственных закупок.

Что касается требований об оплате стоимости услуг, оказанных без заключения контракта, то такие споры встречаются в арбитражной практике. Позиция суда такова, что привлечение исполнителя без соблюдения процедур, установленных Законом о контрактной системе, противоречит законодательству. Поскольку заключение контракта является обязательным, плата за фактически оказанные услуги не подлежит взысканию.

И последнее. Порой в научной литературе, исходя из смысла статей 527, 534, 767 ГК РФ, предлагается отличить меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение государственного контракта от юридических мер компенсационного характера, применение которых не связано с правонарушением. Обратимся к содержанию этих статей.

В п.2 ст.527 ГК РФ речь идет об обязанности государственного заказчика возместить все причиненные поставщику убытки в случае, когда заключение государственного контракта является обязательным для поставщика (исполнителя). А ст. 534 предусматривает право государственного заказчика полностью или частично отказаться от товаров, предусмотренных государственным контрактом, при условии возмещения убытков.

Подрядчики, в свою очередь, по ст. 767 вправе требовать возмещения убытков при изменении сроков выполнения работ по государственному контракту, в связи с уменьшением бюджетных средств для финансирования соответствующих работ.

Аналогичное положение содержится и в Законе о контрактной системе, а также в Бюджетном кодексе РФ. Согласно п.1 ст.95 Закона о контрактной системе изменение существенных условий контракта при его исполнении не допускается, за

исключением их изменения по соглашению сторон при уменьшении ранее доведенных до государственного (муниципального) заказчика как получателя бюджетных средств лимитов бюджетных обязательств.

При этом сторона государственного (муниципального) контракта вправе потребовать от казенного учреждения (заказчика) возмещения фактически понесенного ущерба, непосредственно обусловленного изменением условий государственного (муниципального) контракта (п.1 ст. 161 Бюджетного кодекса РФ).⁵

Можно ли считать, что во всех перечисленных выше случаях нет гражданско-правовой ответственности, ибо отсутствует правонарушение? Вряд ли. Но ведь гражданско-правовая ответственность, как известно, также носит компенсационный характер и является одним из оснований ответственности.

В силу сказанного требование подрядчика о возмещении причиненных убытков в связи с уменьшением ранее выделенных для финансирования бюджетных средств, как нам представляется, следует квалифицировать как ответственность за нарушение контрактных сроков выполнения работ.

¹См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013г. №44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. №14. Ст.1652; Федеральный закон от 18 июля 2011г. №223 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СЗ РФ. 2011. №30. Ст.4571.

² См.: постановление Правительства Российской Федерации от 22 августа 2016г.№835 «Об утверждении Правил проведения обязательного обсуждения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс

³ Российская газета. 2017. 7 дек.

⁴ См.: Владимир Сафонов. Новый обзор Верховного Суда РФ по госзакупкам. Восемь полезных выводов URL: <http://lawyercom.ru/articleprint.aspx?aid=584356>

⁵ См.: Бюджетный кодекс РФ // КонсультантПлюс

SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION: RIGHT TO BUSINESS

САМОРЕГУЛИРУЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВО НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Rinat Rafailovich HAIDAROV,
All-Russian State University of Justice

Ринат Рафаилович ХАЙДАРОВ,
Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
E-mail: rinat009116@ya.ru

Annotation. In the article the analysis of normative legal acts on self-regulating organizations made several judgments: the terms «selfregulation» and «self-regulatory organization» seem imperfect; self-regulatory organizations are legal entities, the organization of which is regulated in the Civil code of the Russian Federation (Part one); self-regulatory organizations may carry out entrepreneurship; the list of self-regulatory organizations empowered for entrepreneurship, it is necessary to fix in the Federal law of the RF «On self-regulating organizations» of November 16, 2007; the actual details of the provisions of the Federal law of the RF «On self-regulating organizations» dated 16 November 2007, through the adoption of other Federal laws of the Russian Federation (in particular, the Federal law of the RF «On self-regulating organizations in the sphere of the financial market» dated July 3, 2015) is imperfect.

Keywords: The Russian Federation legislation, regulatory legal act, the Federal law of the Russian Federation, the Civil code of the Russian Federation (Part one), Federal law of the RF «On self-regulating organizations» of November 16, 2007, Federal law of the RF «On self-regulating organizations in the sphere of the financial market» dated July 3, 2015, self-regulation, self-regulatory organization

Аннотация: в статье при анализе нормативных правовых актов о саморегулируемых организациях высказано несколько суждений: термины «саморегулирование» и «саморегулируемые организации» представляются несовершенными; саморегулируемые организации являются юридическими лицами, организация которых урегулирована в Гражданском кодексе РФ (Часть первая); саморегулируемые организации могут осуществлять предпринимательство; перечень саморегулируемых организаций, наделенных правом на предпринимательство, необходимо закрепить в Федеральном законе РФ «О саморегулируемых организациях» от 16 ноября 2007 г.; фактическая детализация положений Федерального закона РФ «О саморегулируемых организациях» от 16 ноября 2007 г. посредством принятия иных федеральных законов РФ (в частности, Федеральный закон РФ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 3 июля 2015 г.) представляется несовершенной.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, федеральный закон РФ, Гражданский кодекс РФ (Часть первая), Федеральный закон РФ «О саморегулируемых организациях» от 16 ноября 2007 г.; Федеральный закон РФ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 3 июля 2015 г., саморегулирование, саморегулируемые организации

Предметом данной статьи являются саморегулируемые организации. Первоначально о состоянии теории относительно лизинга.

Так, М.А. Егоровой, являющейся специалистом по гражданскому праву в области договорного и коммерческого права, высказано несколько обобщающих суждений: «... в настоящее время практика существования в предпринимательском и профессиональном обороте саморегулируемых организаций с обязательным саморегулированием

демонстрирует, что по своей правовой природе эти некоммерческие организации являются сугубо частнопровыми субъектами. Создание этими корпорациями правил и стандартов в отношении деятельности своих членов является не способом реализации права, а разновидностью исполнения юридического обязывания, по своей правовой сущности аналогичного обязыванию предпринимателей и членов профессиональных сообществ, на деятельность которых распространяются правила об обяза-

тельном саморегулировании, объединяться для осуществления своей деятельности в некоммерческие организации и передавать им функции организации и контроля над деятельностью их членов. Этот вывод подтверждается еще и тем, что у саморегулируемых организаций с обязательным саморегулированием отсутствуют и административно-судебные механизмы принуждения своих членов к надлежащему исполнению обязанностей, связанных с соблюдением правил и стандартов их деятельности, вырабатываемых саморегулируемой организацией. Имеющиеся в арсенале СРО дисциплинарные и организационные механизмы принуждения имеют выраженный частноправовой, а не публичный характер»; «... действующая до настоящего времени позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в его Постановлении от 19.12.2005 N 12-П, согласно которой саморегулируемые организации с обязательным саморегулированием (на примере СРО арбитражных управляющих) обладают признаками публично-правовых субъектов, искажает истинную правовую природу обязательного саморегулирования и подлежит отмене или изменению»¹.

Авторы – единомышленники (А.О. Иншакова А.О. и И.А. Турбина), сфокусировав внимание на «институте саморегулируемых организаций», сформулировали ряд выводов: «Таким образом, саморегулируемые организации являются непосредственными участниками инновационной деятельности - акторами инновационного хозяйствования микроуровня эволюционирующей глобальной экономической системы. В то же время, к сожалению, следует констатировать, что в настоящее время не во всех отраслях экономики участники саморегулируемых организаций осознают свою роль и возможные варианты участия в инновационном процессе и реализации инновационной экономической деятельности»; «Достаточно широкий круг практического применения данной формы предпринимательства в сфере инноваций, в том числе и нанотехнологий, очерченный в данной статье, позволяет авторам выразить надежду на то, что саморегулируемые организации станут со временем одним из наиболее продуктивных видов реализации корпоративного инновационного хозяйствования, возможности которого в полной мере будут воплощать стратегические задачи государства в сфере нанотехнологий в повседневную жизнь»².

Вероятно, не столь совершенные результаты научных изысканий предопределяют и несовершенство законодательства Российской Федерации³ о саморегулируемых организациях.

В нормативном правовом акте, по юридической силе приравняемом к федеральному закону РФ⁴, - Гражданском кодексе РФ (Часть первая от 21 октября 1994 г.⁵, введена в действие с 1 января 1995 г.⁶) термин «саморегулируемые организации» упо-

требуется в нескольких статьях: ст. 49; 50; 61; 123; 450.⁷

В иных частях ГК РФ (Часть вторая, Часть третья, Часть четвертая) термин «саморегулируемые организации» не употребляется.

Положения приведенных статей Части первой ГК РФ фактически детализированы в нормативном правовом акте, специально посвященном организации и деятельности саморегулируемых организаций: Федеральный закон РФ «О саморегулируемых организациях» от 16 ноября 2007 г.

В Федеральном законе РФ от 16 ноября 2007 г. обращаем внимание на положения двух статей: статья 2 «Понятие саморегулирования» («1. Под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил. 2. Саморегулирование в соответствии с настоящим Федеральным законом осуществляется на условиях объединения субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности в саморегулируемые организации. 3. Для целей настоящего Федерального закона под субъектами предпринимательской деятельности понимаются индивидуальные предприниматели и юридические лица, зарегистрированные в установленном порядке и осуществляющие определяемую в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации предпринимательскую деятельность, а под субъектами профессиональной деятельности - физические лица, осуществляющие профессиональную деятельность, регулирующую в соответствии с федеральными законами.»); статья 3 «Саморегулируемые организации» («1. Саморегулируемыми организациями признаются некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка произведенных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида. 2. Объединение в одной саморегулируемой организации субъектов предпринимательской деятельности и субъектов профессиональной деятельности определенного вида может предусматриваться федеральными законами. 3. Саморегулируемой организацией признается некоммерческая организация, созданная в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом от 12 января 1996 года N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», при условии ее соответствия всем установленным

настоящим Федеральным законом требованиям. К числу указанных требований помимо установленных в части 1 настоящей статьи относятся: 1) объединение в составе саморегулируемой организации в качестве ее членом не менее двадцати пяти субъектов предпринимательской деятельности или не менее ста субъектов профессиональной деятельности определенного вида, если федеральными законами в отношении саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, не установлено иное; 2) наличие стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности, обязательных для выполнения всеми членами саморегулируемой организации; 3) обеспечение саморегулируемой организацией дополнительной имущественной ответственности каждого ее члена перед потребителями произведенных товаров (работ, услуг) и иными лицами в соответствии со статьей 13 настоящего Федерального закона. 4. В случае, если иное не установлено федеральным законом, для осуществления деятельности в качестве саморегулируемой организации некоммерческой организацией должны быть созданы специализированные органы, осуществляющие контроль за соблюдением членами саморегулируемой организации требований стандартов и правил предпринимательской или профессиональной деятельности и рассмотрение дел о применении в отношении членом саморегулируемой организации мер дисциплинарного воздействия, предусмотренных внутренними документами саморегулируемой организации. 5. Требования, предусмотренные пунктами 1 - 3 части 3 настоящей статьи и предъявляемые к саморегулируемым организациям, и требования, предъявляемые к некоммерческим организациям для признания их саморегулируемыми организациями, являются обязательными, если иное не установлено федеральным законом. Федеральными законами могут быть установлены иные требования к некоммерческим организациям, объединяющим субъектов предпринимательской или профессиональной деятельности, для признания их саморегулируемыми организациями, а также могут быть установлены повышенные требования по сравнению с указанными в настоящем Федеральном законе требованиями к саморегулируемым организациям. 6. Некоммерческая организация приобретает статус саморегулируемой организации с даты внесения сведений о некоммерческой организации в государственный реестр саморегулируемых организаций и утрачивает статус саморегулируемой организации с даты исключения сведений о некоммерческой организации из указанного реестра»).

Фактически в развитие положений Федерального закона РФ «О саморегулируемых организациях» от 16 ноября 2007 г. принят еще один равный

по юридической силе нормативный правовой акт: Федеральный закон РФ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 3 июля 2015 г.⁸ («1. Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в связи с приобретением и прекращением некоммерческими организациями, объединяющими финансовые организации, осуществляющие виды деятельности, предусмотренные частью 1 статьи 3 настоящего Федерального закона, статуса саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка ..., осуществлением ими прав и обязанностей, взаимодействием саморегулируемых организаций и их членом с Центральным банком Российской Федерации (далее - Банк России), федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления. 2. Под саморегулированием в сфере финансового рынка понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется финансовыми организациями, указанными в части 1 статьи 3 настоящего Федерального закона, и содержанием которой являются разработка стандартов деятельности таких финансовых организаций и контроль за соблюдением требований указанных стандартов» - ст. 1).

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, термины «саморегулирование» и «саморегулируемые организации» представляются несовершенными.

Во-вторых, саморегулируемые организации являются юридическими лицами, организация которых урегулирована в Гражданском кодексе РФ (Часть первая).

В-третьих, саморегулируемые организации могут осуществлять предпринимательство.

В-четвертых, перечень саморегулируемых организаций, наделенных правом на предпринимательство, необходимо закрепить в Федеральном законе РФ «О саморегулируемых организациях» от 16 ноября 2007 г.

В-пятых, фактическая детализация положений Федерального закона РФ «О саморегулируемых организациях» от 16 ноября 2007 г. посредством принятия иных федеральных законов РФ (в частности, Федеральный закон РФ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 3 июля 2015 г.) представляется несовершенной.

¹ Егорова М.А. К вопросу о правовом статусе саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Право и экономика. 2016. № 5. С. 11-22.

² См.: Иншакова А.О., Турбина И.А. О деятельности саморегулируемых организаций в сфере нанотехнологий // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 8. С. 79-83.

³ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁴ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного

правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2009. № 4. С. 27-30.

⁵ См.: СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; ...; ПГ. 2017. 31 декабря.

⁶ См.: О введении в действие Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 21.10.1994 г. // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3302.

⁷ См.: СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6076; ...; 2016. № 27 (часть II). Ст. 4293.

⁸ См.: СЗ РФ. 2015. № 29 (часть I). Ст. 4349; ...; 2016. № 27 (часть I). ст. 4225; ПГ. 2017. 31 декабря.

A DEPARTMENTAL REGULATION OF THE PARTICIPATION OF PROSECUTORS IN CIVIL CASES

О ВЕДОМСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРОВ В РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

Igor Igorevich ORDINARZEV,
candidate of law

Игорь Игоревич ОРДИНАРЦЕВ,
кандидат юридических наук
E-mail: Garry_ord@mail.ru

Научная специальность: 12.00.11 - судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

Рецензент: кандидат юридических наук, доктор экономических наук Эриашвили Н.Д.

Annotation. in the article the analysis of legal literature and normative legal acts on the activities of the Prosecutor's office made several judgments: the use of the term «subordinate legislation» regarding the Prosecutor's office of the Russian Federation is illegal, because it is unacceptable the identification of the Prosecutor's office with the Agency; the activity of all parts of the Prosecutor's office is regulated by the Federal law of the Russian Federation «On the procuracy of the Russian Federation» of 17 January 1992; pursuant to the Federal law «On the procuracy of the Russian Federation» of 17 January 1992, the General Prosecutor of the Russian Federation is entitled to adopt normative acts (orders, instructions, ordinances, provisions, instructions); normative legal acts of the Prosecutor General of the Russian Federation can not contradict Federal law of the Russian Federation «On the procuracy of the Russian Federation» of 17 January 1992.

Keywords: The Russian Federation legislation, regulatory legal act, the Federal law of the Russian Federation, the Federal law of the Russian Federation «On the procuracy of the Russian Federation» of 17 January 1992; General Prosecutor of the Russian Federation, orders, instructions, ordinances, regulations, instructions, participation of the Prosecutor in civil cases

Аннотация. в статье при анализе юридической литературы и нормативных правовых актов о деятельности прокуратуры высказано несколько суждений: использование термина «ведомственное правотворчество» относительно прокуратуры РФ является неправомерным, ибо недопустимо отождествление прокуратуры РФ с ведомством; деятельность всех звеньев прокуратуры РФ урегулирована в Федеральном законе РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.; во исполнение Федерального закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. Генеральный прокурор РФ вправе принимать подзаконные нормативные правовые акты (приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции); подзаконные нормативные правовые акты Генерального прокурора РФ не могут противоречить Федеральному закону РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, федеральный закон РФ, Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.; Генеральный прокурор РФ, приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции, участие прокурора в рассмотрении гражданских дел

Предметом данной статьи является одна из функций прокуратуры - участие прокуратуры в правотворчестве¹ – причем, относительно участия прокурора в рассмотрении гражданских дел.

В юридической литературе участие всякого государственного органа в правотворчестве называют ведомственным правотворчеством, что также не оставлено без внимания в данной статье.

Так, в монографии Ю.Г. Арзамасовым («комплексное теоретико-правовое исследование проблем ведомственного нормотворчества») сформулирован следующий вывод: «ведомственное нормотворчество – это деятельность компетентных лиц министерств и ведомств, которая представляет собой исходных элемент механизма правового регулирования, осуществляемая на делегированной и компетенционной основе, состоящая в установлении, изменении и отмене нормативных актов, регулирующих, как внутренние, так и внешние общественные отношения»².

Автор другого аналогичного исследования (Н.С. Шмакова) обосновала следующее суждение: «Ведомственное правотворчество представляет собой особый вид подзаконного правотворчества и является объективно незаменимым и необходимым средством правового регулирования отношений в обществе. Главная причина существования и развития ведомственного правотворчества – объективная потребность в детализированной правовой регламентации и уточнении отношений, возникающих в определенных сферах общества. Нормативное регулирование, осуществляемое ведомствами, и впредь будет оставаться важной составной частью своей правотворческой деятельности государства»³.

Под правотворчеством предлагают понимать специализированную деятельность компетентных органов государства (или иных уполномоченных законом органов и лиц) по изданию нормативных правовых актов. Правотворчество в этом смысле есть специализированная форма государственной деятельности и форма государственного руководства обществом, связанная с созданием правовых норм, их изменением, а при необходимости и отменой. Правотворчество, кроме того, направлено на упорядочение, приведение в определенную систему изданных нормативных актов, т.е. связано не только с их изданием, но и с систематизацией⁴.

Правовая основа правотворчества прокуратурой Российской Федерации⁵, закреплена в нормативном правовом акте, по юридической силе приравненном к федеральному закону РФ⁶. Речь идет о Федеральном законе РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.⁷

В частности, Генеральный прокурор РФ вправе принимать приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции. Прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненных к ним прокурорам предоставлено право издавать приказы, указания и распоряжения («Прокурор при установлении в ходе осуществления своих полномочий необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов вправе вносить в законодательные

органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы, соответствующего и нижестоящего уровней предложения об изменении, о дополнении, об отмене или о принятии законов и иных нормативных правовых актов» - ст. 9 Федерального закона РФ от 17 января 1992 г.).

Уполномоченные должностные лица прокуратуры РФ вправе участвовать при рассмотрении гражданских дел в судах⁸.

Для этого создано специализированное подразделение, организация и деятельность которого регламентированы в Положении об управлении по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе, утвержденном Генеральным прокурором РФ 16 февраля 2007 г.⁹

Само же участие прокуроров в рассмотрении гражданских дел урегулировано в приказе Генерального прокурора РФ «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» № 475 от 10 июля 2017 г.¹⁰ («В целях эффективного исполнения органами прокуратуры задач по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, реализации полномочий, направленных на защиту и реальное восстановление прав и свобод граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства, руководствуясь пунктом 1 статьи 17 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», приказываю: 2. Считать, что основными обязанностями прокуроров, обеспечивающих участие в гражданском и административном судопроизводстве, являются: участие в рассмотрении судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций дел, возбужденных по искам, заявлениям, административным исковым заявлениям прокуроров в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, указанных в части 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части 1 статьи 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, неопределенного круга лиц, интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, в том числе по заявлениям и представлениям о пересмотре судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам; обеспечение качественной подготовки и направления в суд заявлений о возмещении ущерба, причиненного Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям, государственным и муниципальным унитарным предприятиям в результате преступлений, если такие заявления не рассмотрены в порядке уголовного судопроизводства (статьи 44, 306 и 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации); вступление в процесс на любой его стадии и дача заключений по делам о выселении, восстановлении на работе, возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных частью 3 статьи

45 ГПК РФ, частью 7 статьи 39 КАС РФ и федеральными законами; апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по гражданским и административным делам ..., в рассмотрении которых участвовал либо вправе был участвовать прокурор; рассмотрение обращений о проверке законности и обоснованности судебных актов, вынесенных в порядке гражданского и административного судопроизводства по делам, в которых предусмотрено участие прокурора, от лиц, участвующих в деле, а также от лиц, не привлеченных к участию в деле, если вопрос об их правах и обязанностях был разрешен судом»).

Об этом же речь идет и еще в одном подзаконном нормативном правовом акте: приказе Генерального прокурора Р «Об утверждении и введении в действие статистического отчета «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве» по форме ГАС и Инструкции по его составлению» № 590 от 20 сентября 2016 г.¹¹ («В связи с введением в действие с 15 сентября 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и в целях оптимизации статистической отчетности, руководствуясь пунктом 1 статьи 17 и статьей 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», приказываю: 1. Утвердить и ввести в действие с 1 января 2016 г.: статистический отчет «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве» по форме ГАС ...; Инструкцию по составлению статистического отчета «Участие прокурора в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве» по форме ГАС ...»).

Таким образом, термин «ведомственное правотворчество» ввиду его многозначности, представляется несовершенным. Речь может идти о совокупности полномочий (компетенции) конкретного государственного органа в правотворчестве.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, использование термина «ведомственное правотворчество» относительно прокуратуры РФ является неправомерным, ибо недопустимо отождествление прокуратуры РФ с ведомством.

Во-вторых, деятельность всех звеньев прокуратуры РФ урегулирована в Федеральном законе РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.

В-третьих, во исполнение Федерального закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. Генеральный прокурор РФ вправе принимать подзаконные нормативные правовые акты (приказы, указания, распоряжения, положения, инструкции).

В-четвертых, подзаконные нормативные правовые акты Генерального прокурора РФ не могут противоречить Федеральному закону РФ «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г.

¹ О функциях прокуратуры подробнее см.: Прокурорский надзор: Галузо В.Н. Правовое регулирование деятельности прокурора в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД РФ. 2008. № 4. С. 36-37; он же: Систематизация нормативных правовых актов о деятельности прокурора в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2008. № 9. С. 27-28; Прокурорский надзор: Учебник для студентов вузов. 8-е изд., перераб. и доп. / Под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. С. 130-140.

² Арзамасов Ю.Г. Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: Монография. Барнаул: БЮИ МВД России., 2002. С. 2, 35; он же: Ведомственный нормотворческий процесс в Российской Федерации: Автореферат дисс. докт. юрид. наук. М., 2004. С. 14, 23-24.

³ См.: Шмакова Н.С. Ведомственное правотворчество (понятие и формы): Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6-7

⁴ См.: Прокурорский надзор: Учебник для студентов вузов. 8-е изд., перераб. и доп. / Под ред. И.И. Сыдорука, А.В. Ендольцевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2015. С. 310.

⁵ Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25.12.1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

⁶ О системе нормативных правовых актов в РФ подробнее см.: Галузо В.Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. 2009. № 8. С. 28-30; он же: О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Общественное право. 2009. № 4. С. 27-30.

⁷ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366; СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; ...; 2018. № 1 (часть I). Ст. 76.

⁸ Подробнее об этом см., например: Колыхалов Д.В., Шарихин А.Е., Эриашвили Н.Д., Галузо В.Н. История российской прокуратуры: Учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

⁹ В официальных источниках не публиковалось.

¹⁰ См.: Законность. 2017. № 10.

¹¹ В официальных источниках не публиковался.